

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ – ЗНАЧИТ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ВЕЗДЕ

Сегодня мы публикуем интервью, данное патриархом Грузинским Илией II журналисту Марии Спиридоновой в 1994 году и никогда не печатавшееся ни в одном издании.

Когда этот материал попал к нам, мы, с одной стороны, очень живо вспомнили давно прошедшее время надежд на подлинное возрождение церкви в самое короткое время, а с другой – не могли не удивиться современности проблем и подходов к ним. Просим читателей не забывать, что вопросы задавались корреспондентом светской газеты. В этом смысле интервью представляет собой еще и образец миссионерского общения человека верующего и человека почти неверующего и нецерковного.

Патриарх Илия II: Вероятно, нам нужно было пройти через горнило уничтожения, чтобы вновь оценить то святое, что жило в нас, в наших предках. Иногда человек имеет какое-то богатство и его не ценит. Русские и Россия имели и имеют великое богатство – православное христианство. Я думаю, что то, что мы пережили во время тоталитарного режима, может быть, и спасло наше христианство, потому что если бы мы этого не пережили, то у нас, у наших народов, в наших странах был бы, наверное, тот же индифферентизм, что в Европе и в Америке – когда люди заявляют, что они верующие, а как только выходят из храма, являются такими же, как и все живущие вне церкви. Через преследования, через разрушение церквей, через страдания мы, наверное, пришли к Богу.

Сегодня мы опять-таки стоим перед многими испытаниями. Сегодня страдают наши народы, сегодня много нужды и в России, и в Грузии, и вероятно, опять-таки это направлено ко благу наших народов. Мы обязательно выйдем из этого тяжелого состояния. И чем скорее мы вернемся к Богу, тем скорее мы преодолеем эти трудности. Я должен сказать, что притча о блудном сыне – это не только притча о покаянии. Когда меньший сын требует свою часть и уходит от отца и потом, когда он все теряет и вспоминает своего отца, вспоминает свое «я» и говорит, что должен вернуться к отцу и сказать ему: «Я не достоин называться сыном, но прими меня как одного из наемников, как одного из слугителей твоих», – отец встречает его. Вероятно, отец ежедневно ходил на дорогу и смотрел, когда вернется его сын. И он встречает его с любовью, как своего родного сына. Я считаю, что эта притча является и пророчеством – пророчеством о человечестве. Именно это произошло, когда часть людей оставили веру, оставили Бога, своими силами хотели создать свое благополучие и утратили все те достоинства, которые характеризуют образ Божий. Но удивительно, что, потеряв свойства образа Божия, они не утратили сам образ Божий, его печать. Как раз эта печать образа Божия спасла блудного сына, и в нем нашлись еще силы, чтобы вернуться к Отцу. Я считаю, что мы как раз переживаем этот период возвращения. И я думаю, что Господь примет своих сыновей и мы снова научимся любить и Бога, и друг друга. Надо только как-то ускорить этот процесс, ускорить через проповедь. Церковь должна активизировать свои духовные силы. Прошло то время, когда священнослужители ходили в свои храмы, и храмы наполнялись народом. Сегодня пришло такое время, когда священнослужители сами должны идти к народу, они должны заниматься апостольской проповедью, миссионерской деятельностью.

Мария Спиридонова: Многие сейчас приходят к вере, потому что это стало «модно» – скажем, бывший член политбюро ходит и ставит свечки, и это не мешает ему отдавать распоряжения так же, как раньше...

Патриарх Илия II: Тот, кто приходит из-за моды, придет несколько раз, но не будет ходить в церковь постоянно. Я считаю, что основная часть нашего народа – народа русского и народа грузинского – несмотря на все преследования, которые они пережили во время атеистической пропаганды, все-таки сохранила искру веры, истинной веры. Я очень хорошо помню, как ко мне во времена Советского Союза приходили должностные лица, как мы сидели и беседовали, и потом, уходя, они тихо мне говорили: «Я верующий. Я не могу ходить в храм, но я верующий». Душа такого человека, его сердце хранили эту веру. Он не мог ее выразить, потому что его положение, условия, в которых он находился, не давали ему такой возможности. Но, например, и в Грузии, и в России очень мало людей оставались некрещеными. Это свидетельствует о том, что наш народ был верующим. То, что происходит сейчас, такое массо-

вое шествие в храм, это, я думаю, естественное явление. Не все приходящие в храм уже являются верующими и православными христианами. Они ищут. Многие приходят через восточные религии. Многие приходят, пройдя те или иные секты, не удовлетворяясь тем, что там видят. И приходя в православие, возвращаясь к своим истокам, к своим корням, они начинают чувствовать питание от этих корней. И они уже навсегда остаются в православии. Так что этого процесса не нужно пугаться. Конечно, только часть останется в храме, в церкви, будет истинно православными. Ведь быть православным христианином – это не просто крещение принять, а это – жить православно, по-христиански. Христианская жизнь – это вера и дела, как говорит апостол Иаков, ведь вера без дел мертва. Это должно проявляться везде, не только в храме, не только в доме, в семье, но везде, и на работе. Везде человек должен быть христианином, должен чувствовать себя христианином.

Мария Спиридонова: Сейчас православие возведено в ранг государственной религии, а государственная власть часто поступает отнюдь не по-христиански. Как Вы, патриарх Грузии, относитесь к этому? Насколько это нравственно?

Патриарх Илия II: Да, эта опасность существовала и сегодня существует. Церковь должна делать все от нее зависящее для того, чтобы и правительство, и народ следовали законам Божиим. Такая традиция была, и не только со времен Петра Первого, а еще раньше. Правительство всегда использовало высокий авторитет, который имела Церковь. И это было не только в России, но и в Грузии, и в других государствах. Но я считаю, что церковь должна быть на определенном расстоянии от государства, тем более сейчас, когда говорят, что, возможно, православие станет государственной религией. Я, например, не разделяю этого. Я считаю, что это как раз будет соблазном и для народа, и для государства, и церковь будет не так свободна, как она должна быть. Но церковь должна способствовать духовной жизни не только народа, но и правительства – это ее прямая обязанность.

Мария Спиридонова: Не кажется ли Вам, что часто приход к христианству становится не велением души, а больше идеологией? Когда теперешнее правительство пришло к власти, многие православные праздники стали праздноваться как государственные. Но ведь в государстве есть и люди другой веры...

(продолжение на стр. 2)

5 (32)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

МАЙ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В НОМЕРЕ:

К святой Марии Парижской

Паломничество по
местам, связанным с
памятью матери Марии
(Скобцовой)

стр. 2

Встреча с "невидимкой"

В Архангельске
прошла встреча с
Е.Ц. Чуковской

стр. 5

На войне как на войне

Короткие
рассказы по
мотивам
воспоминаний
ветеранов

стр. 6-7

Былому мой поклон...

Елизавета Кузьмина-
Караваева (мать
Мария) и Александр
Блок

стр. 8

Заповедь «не судите» была лейтмотивом всей его жизни

Памяти протоиерея Ильи Шмаина

стр. 9

В Томске его называ- ли праведни- ком

О жизненном пути
известного ученого
и правозащитника
Вильгельма Фаста
вспоминает его
брат протоиерей
Геннадий

стр. 10-11

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ - ЗНАЧИТ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ВЕЗДЕ

(начало на стр. 1)

Патриарх Илия II: Прежде всего, начнем с первого: как они пришли. Ведь в советский период действительно все было основано на силе. Эта идеология зиждилась на принуждении. Сегодня нет такой возможности и нет такой необходимости. В конце концов, наши государства освободились от пресса, который давил и душил всякую инициативу и личность так, что личности уже не было. Ведь это мышление многих десятков лет, когда человек не должен был мыслить сам, кто-то мыслит за него, а он должен был быть только исполнителем. Сегодня очень трудно выходить из этого состояния. Очень часты даже митинги, по крайней мере в России, людей, мечтающих возвратиться к тому прошлому, когда они ни о чем не думали, а только исполняли. Сегодня массовый приход в церковь, может быть, и есть что-то вынужденное. Но куда же идти? Что, возвращаться опять к силе? Нужно возвращаться или опять к силе, или к тем истокам, какими мы пользовались на протяжении всех прошлых столетий: к вере, к любви, к состраданию, к взаимному пониманию.

То, что у нас действительно есть различные религии, это тоже обычное явление. Например, в Грузии иудеи живут двадцать шесть столетий, и они прекрасно себя чувствуют и живут как в своем доме, и мы чувствуем их как своих братьев. Мусульмане у нас есть, и мы с ними также в братских отношениях. У нас нет конфликтов. Я всегда привожу в пример семью моих родителей. Мои родители были глубоко верующими православными христианами, но у моего отца были друзья мусульмане, ингуши. Часто они приезжали к нам, и это был большой праздник для семьи. Когда они приезжали, мои родители заставляли одну большую комнату коврами, чтобы они там молились по-мусульмански. А мы в другой комнате молились по-христиански. А потом садились за стол и обедали вместе. Это была действительно братская любовь. Так что я думаю, что и Грузия, и Россия имеют традицию сосуществования различных религий. Мы не должны ставить другие религии в тень. Но мы должны знать, что и русский народ, и грузинский народ — это христианские народы. Это все должны помнить. И когда Пасха или Рождество объявляется всенародным праздником, то они объявляются согласием большинства населения и верой большинства населения.

Мария Спиридонова: Есть люди, которые живут по-христиански, но не крещены и не ходят в церковь. Что Вы об этом думаете?

Патриарх Илия II: Действительно, такие люди есть. Я думаю, что они в таком состоянии не останутся. В духовной жизни есть процесс восхождения по лестнице совершенства.

Когда еще была атеистическая пропаганда и действительно были атеисты и верующие, иногда у нас был такой разговор: они говорили мне, что верующие счастливы, потому что могут верить, «а вот я неверующий, и мой рассудок, мой разум не принимает, не может принять веру». И я не доказывал этим людям существование Бога и т.д., но я говорил так: «Знаете, ведь существует добро и зло, и вот это различие добра и зла вложено Богом в человека. Он может различать добро и зло. Во время восшествия на престол царя Соломона, сына царя Давида, он просил у Господа: «Дай мне, Господи, сердце мудрое, чтобы мне различать добро и зло». Вот это различие добра и зла, так или иначе, конечно, не в одной степени, а по-разному, все же есть в человеке. И вот если человек будет делать добро и уходить от зла, то он обязательно, я считаю, придет к Богу, он обязательно придет к вере».

Беседовала Мария СПИРИДОНОВА

К СВЯТОЙ МАРИИ ПАРИЖСКОЙ

Планица, вышитая матерью Марией

С 3 по 10 апреля группа сотрудников Свято-Филаретовского института и членов Сретенского братства посетила с паломнической поездкой Париж в связи с 60-летием гибели в концлагере святой преподобномученицы Марии (Скобцовой). Паломники посетили места, связанные с жизнью и служением матери Марии, а также могилы о. Сергия Булгакова и Николая Бердяева. Они участвовали в богослужениях в парижских православных храмах различных юрисдикций, встречались с секретарем Корсунской епархии, с архиепископом Команским Гавриилом (де Вильдером), с деканом Свято-Сергиевского богословского института прот. Борисом Бобринским, с прот. Михаилом Евдокимовым, с руководителями Синдесмоса, издательства ИМКА-пресс и

Молитва у могилы о. Сергия Булгакова на кладбище Сен-Женевьев-Дю-Буа

информационного бюллетеня SOP и др.

Рассказывая сотрудникам Свято-Филаретовского института и членам братства об этой поездке, ректор СФИ и духовный попечитель братства свящ. Георгий Кочетков сказал:

"Нам хотелось бы, чтобы православные французы были едины, чтобы они действительно почувствовали необходимость в этом. Не для того, чтобы нам из России как-то влиять на них, а для того, чтобы они не оказались как бы в стороне от линии исторического развития, духовного развития церкви. Нам, конечно, хотелось бы, чтобы они усилили свою позицию прежде всего за счет укрепления в опыте Собора 1917-1918 гг., в опыте, явленном в трудах и в жизни деятелей русского религиозного возрождения и в опыте своих святых, прежде всего матери Марии. У них мало сил, как они сами говорят об этом. Но мы им говорили: "У вас есть силы, есть люди, а если вы будете говорить, что их нет, то через десять лет у вас действительно ничего не будет".

Я думаю, что для всех наших паломников это время было благодатным, а не просто интересным. Его духовная составляющая была очень важна. Она говорила нам о возможных перспективах нашей духовной жизни, которые могли бы спасти нашу церковь и наш народ от застоя, от обскурантизма, от возвращения назад, от национализма, от секуляризма. Не знаю, какие для этого есть перспективы в Москве, здесь все это под вопросом, не знаю, какие для этого есть перспективы и в Париже, где тоже все под вопросом, но тем не менее мы чувствуем, что они есть. Каким образом — Бог знает. Может быть, что-то здесь зависит и от нас с вами, от каждого из тех, кто сейчас здесь присутствует.

Мы не знали, когда летели в Париж, что нас там ждет, но получилось все сверх наших ожиданий, предположений и даже пожеланий. Я думаю, что это было настоящее паломничество, что оно было исполнено тем, чем должно

За богослужением в храме о. Михаила Евдокимова (в центре)

быть наполнено паломническое время. Я надеюсь, что оно принесет пользу всей церкви, что острые церковные противоречия, раздирающие сейчас православную церковь во Франции, особенно русской традиции, сгладятся и найдут какое-то разрешение, соответствующее воле Божьей, а не тем или иным политическим выгодам или человеческим — слишком человеческим — настроениям".

О. Георгий отметил также, что во время многих встреч большой интерес у всех, прежде всего у архиеп. Гавриила, вызывал опыт жизни и деятельности Свято-Филаретовского института и Сретенско-Преображенского братства.

Встреча с архиеп. Команским Гавриилом (де Вильдером)

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ЦЕНТРЕ ПАРИЖА

Встреча в издательстве ИМКА-пресс

Михаил Соллогуб (Париж) и Сергей Нестерович (Гомель)

Михаил Соллогуб: Я хотел сказать несколько слов о том месте, где мы сейчас находимся и куда в 1959 г. переехало издательство. Оно интересно еще и тем, что в 60-х годах тут было построено нечто вроде института. Ну, может быть, институт — громко сказано, но для нас он сыграл очень большую роль. Здесь по вечерам Никита Алексеевич устраивал богословские курсы. Это было раз в неделю, но в течение нескольких лет мы получили образование именно на этих курсах. Лекции читали о. Борис Бобринский, Оливье Клеман и многие другие преподаватели, так что

те, кто не прошел через Свято-Сергиевский институт, имели возможность получить образование здесь.

Кроме того, это место, как вы поняли, находится недалеко от Сорбонны, так что было решено в 60-х годах устроить здесь православный студенческий центр имени Достоевского. У всех наших друзей — католиков, протестантов — были студенческие центры. И мы решили — чем мы хуже? В течение нескольких лет здесь каждый день с двенадцати до двух были дежурные — кто-то, кто принимал людей. В час дня мы читали шестой час, читали Евангелие и была проповедь. Кроме того, мы собирались — тут совсем недалеко есть храм Московской патриархии — на ранней литургии. А по вечерам было множество разных кружков — литературный кружок, богословский...

А потом, к сожалению, как раз после 1968 г., открылся новый университет, который был разбросан по всем частям Парижа, в том числе и по окраинам. Никита Алексеевич там преподавал в Нантерр, то есть недалеко отсюда. Все разъехались, так что от студенческого центра ничего не осталось. Тем не менее это был важный эпизод в жизни этого помещения.

Никита Струве: Сейчас у нас есть ежемесячный семинар, который существует уже третий год и пользуется некоторым успехом. Сергей Морозов вел кружок по о. Сергию Булгакову года три-четыре назад. Форма этих встреч меняется в зависимости от тех, кто может говорить, и от контингента слушателей. Так что желание сделать это не только книжной лавкой, не только издательством, но некоторым центром, всегда присутствовало, и мы хотим, чтобы так и было в дальнейшем.

Никита Струве и его сотрудники за прилавком книжного магазина издательства ИМКА-пресс

"ВСЕ ВЫ, ВО ХРИСТА КРЕСТИВШИЕСЯ, ВО ХРИСТА ОБЛЕКЛИСЬ"

На Пасху 2005 года закончился второй, просветительский этап оглашения в Преображенском содружестве малых православных братств при методическом содействии Огласительного училища Свято-Филаретовского православно-христианского института.

Около 100 братьев и сестер из Москвы и других городов России и СНГ более полутора лет проходили подготовку к осмысленному и полному участию в церковных таинствах, к ответственному вхождению в церковную жизнь, к тому, чтобы служить Богу и Церкви всеми силами и дарованиями.

Со Светлой седмицы для них начался новый этап на пути воцерковления — таинствоведство, т. е. вхождение в sacramentalную и аскетическую жизнь Церкви, когда новопросвещенные регулярно участвуют в Евхаристии и слушают беседы о таинствах веры и жизни Церкви.

КОНФЛИКТ В ИЕРУСАЛИМЕ БУДЕТ РЕШАТЬ ВСЕПРАВОСЛАВНЫЙ СОБОР

Кризисная ситуация в Иерусалимской православной церкви возникла после того, как 6 мая ее Синод большинством в 14 голосов из 17 членов объявил о недоверии патриарху Иринею и отрешил его от должности в связи с выдвинутыми против него обвинениями в финансовых злоупотреблениях и психической неадекватности. Однако сам патриарх не признал правомерности этого решения.

17 мая патриарху Иринею удалось проникнуть в Тронный зал Патриархии, где он собирался созвать синод в составе своих сторонников для суда над низложившими его архиереями. Однако полиция Иерусалима заявила низложившему патриарху, что власти Израиля признают подобный шаг с его стороны лишенным всякой юридической силы, а также прикажут полицейским, сопровождающим Иринея, более не охранять его. Утром следующего дня во время шумного выяснения отношений между монахами-святогробцами и сторонником низложившего патриарха, пришедшим в патриархию с отрядом полиции и бригадой слесарей для вскрытия замков тронного зала, сам патриарх Иринею побывал в резиденции Ариэля Шарона.

Содержание беседы не разглашается. Однако по возвращении в свою резиденцию, расположенную в Старом Иерусалиме неподалеку от здания патриархии, Иринею около полудня созвал пресс-конференцию, на которой обещал, что "не будет низлагать" выступивших против него членов Синода.

Патриарх Константинопольский Варфоломей на встрече с патриархом Александрийским Феодором и представителями патриарха Иринея, которая прошла 16 мая в Константинополе (Стамбуле) призвал низложившего патриарха Иринея оставить свой пост "ради мира в Церкви и его собственного достоинства". Патриарх Иринею отказался прибыть в Стамбул по вызову Константинопольского патриарха, но направил в качестве своего представителя митрополита Назаретского Кириака, а также члена Святогробского братства архимандрита Иринея. Причиной отказа прибыть в Стамбул для консультаций послужило то, что в письме Иринею хоть и назван патриархом, но не Иерусалимским. Константинопольские дипломаты избрали для этого случая компромиссный вариант обращения: "Блаженнейшему Патриарху Иринею. В город Иерусалим". Представители большинства Иерусалимского Синода также воздержались от поездки в Стамбул. Как сообщает Македонское агентство печати, патриарх Варфоломей и патриарх Александрийский Феодор выслушали митрополита Кириака, который просил дать патриарху Иринею "еще один шанс".

17 мая на заседании Священного Синода Константинопольского патриархата было принято решение созвать Всеправославный Собор по иерусалимскому вопросу.

На Собор приглашаются главы всех поместных Православных церквей, каждого из них могут сопровождать два иерарха.

Комиссия из трех митрополитов, управляющая делами Иерусалимской патриархии, обратилась к гла-

вам Православных церквей с просьбой прекратить поминовение имени патриарха Иринея при совершении литургии, так как он, по мнению большинства членов Синода, не является больше патриархом Иерусалимским.

До сих пор ничего не сообщается об официальном обнародовании решения короля Иордании Абдаллы, подтверждающего отстранение Иринея от должности (последний является подданным Иордании). Опубликование этого решения ожидается не позднее 23 мая — дня, назначенного для проведения Всеправославного собора.

Последний Собор глав и иерархов всех поместных Православных церквей состоялся в Софии осенью 1998 года по инициативе Священного Синода Болгарской церкви во главе с патриархом Максимом. Собор был связан с расколом православной церкви в Болгарии. Иерархи поместных церквей подтвердили полномочия патриарха Максима и приняли решения, направленные на утверждение единства Болгарской православной церкви.

От Русской православной церкви в Софийском соборе принимали участие патриарх Алексей II, глава Отдела внешних церковных связей митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) и его тогдашний заместитель архиепископ Климент.

На Всеправославном соборе в Константинополе Русскую православную церковь по решению патриарха Московского и всея Руси Алексия II представляет глава Отдела внешних церковных связей. Митрополита Кирилла сопровождают заместитель председателя ОВЦС МП епископ Егорьевский Марк (Головков) и секретарь по межправославным отношениям протоиерей Николай Балашов, а также сотрудник ОВЦС Сергей Говорун в качестве переводчика. Решение о направлении делегации на Собор было принято с учетом письменных обращений, поступивших к патриарху Московскому и всея Руси как от патриарха Иринея, так и от комиссии, представляющей большинство членов Синода Иерусалимского патриархата. Были проведены консультации с представителями Иерусалимской Церкви, которые подтвердили их желание, чтобы возникшая проблема была обсуждена представителями всей полноты православия. В Иерусалиме официально подтвердили просьбу, чтобы Русская православная церковь приняла участие в решении вопроса, и выразили благодарность за готовность, выраженную патриархом Алексием.

На вопрос журналиста, заданный во время пресс-конференции в Иерусалиме 17 мая, поедет ли Иринею на Большой собор в Стамбуле, патриарх ответил: "Поеду - почему бы не поехать?"

По материалам информационных агентств «Интерфакс» и «Благовест-инфо»

К моменту сдачи номера в печать информации о решении собора еще не было. В ближайшем номере тема будет продолжена.

ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР ВО ВЛАДИМИРЕ ОТКРЫЛСЯ ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ ПОСЛЕ 30- ЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВА

Владимир, 18 мая 2005, Благовест-инфо. Шедевр древнерусского зодчества из списка всемирного наследия ЮНЕСКО — Дмитриевский собор во Владимире — открылся 17 мая для посещения после 30-летнего перерыва, сообщают "Вести" (<http://www.vesti.ru/>). Событие приурочено к Международному дню музеев. Храм претерпел разорение при татаро-монгольском нашествии, трижды горел, пережил трудные времена в период советской власти. Несмотря на это, в нем чудом сохранились уникальные фрески XII века.

Как сообщает <http://www.museum.ru/>, в Дмитриевском соборе открыта необычная выставка Владимиро-Суздальского музея-заповедника (автор Т.П. Тимофеева, старший научный сотрудник музея-заповедника), которая продлится до 17 июня. При этом главный экспонат — само древнее здание, его замечательные архитектурные формы. Аудиовизуальная программа с динамическим световым сопровождением раскрывает содержание архитектуры древнерусского храма: парящего купола и парусов, арок и сводов, пространственного креста и алтаря.

Реликвии Дмитриевского собора — икона ("доска гробная") св. Димитрия и ковчежец-мошевик, принесенные в храм 1197 г., а впоследствии попавшие в Москву, вернулись в собор из столичных музеев в копиях. На выставке экспонируется грандиозный четырехметровый крест с просечным орнаментом, снятый с главы собора и замененный в 2002 г. новоделом. В соборе нет традиционных музейных витрин и стендов. Их заменили произведения современной технологии — стекло, в том числе триплекс, металл и электронная графика. Выставка, оставляя пространство храма, дает разностороннее представление об этом уникальном памятнике древнерусской культуры.

Дмитриевский собор построен в 1190-е гг. из белого камня-известняка местными мастерами. Он был дворцовым храмом великого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. В архитектуре собора нашёл воплощение тип одноглавого четырехстолпного храма. Строго продуманный тектонический и пропорциональный строй, обилие фасадных скульптурных украшений, воспринимающихся как узор, придают собору величественность и торжественную парадность.

Собор окружали одноярусные галереи. Крайнюю ветхость и бедность собора заметил в 1834 году, во время посещения Владимира, император Николай I, пожелавший привести храм в "первобытный вид" и убрать галереи. В 1840-1847 гг. состоялся ремонт и внутри здания. Стены были заново расписаны, при этом обнаружены древние фрески под хорами ("Страшный Суд" работы русских и византийских мастеров). В 1883 г. появилось caloriferное отопление, позволившее вести службу круглый год. Здание ремонтировалось в 1896 и 1906 гг.

После 1917 г. храм сохранил свое значение как памятник древнерусского искусства. В 1918 г. в соборе работала комиссия по сохранению памятников живописи под руководством И.Э. Грабаря. В 1919 г. храм был закрыт для богослужений и передан Владимирскому музею. Отопление бездействовало, разрушились конструкции, настенные росписи, белый камень. Ремонтные работы начались в 1937 г. Укрепление конструкций в 1941, 1948-1952 гг. (архитектор А.В. Столетов) вывело здание из аварийного состояния. В 1974-1980-е гг. реставраторы занимались проблемами сохранения белого камня. Окончательный этап работ проведен в 1999-2004 гг.: покрытие белого камня и рельефов защитной пластической смесью, устройство водосточных труб, замена креста на куполе, создание микроклимата.

На фасадах собора находится более тысячи резных камней, среди которых — композиции с рельефом Давида псалмопевца в трех центральных закомарах. В образе Давида — пастыря, царя, пророка — предвосхищен образ Христа. К трону его собирается вся тварь небесная и земная: ангелы, люди, звери, птицы, деревья, травы. Символами власти и покровительства служат геральдические фигуры львов, барсов, орлов.

Росписи XII века представляют собой оригинальный вариант классического византийского стиля.

ПРАВОСЛАВНЫЕ И КАТОЛИКИ ПОЧТИЛИ ПАМЯТЬ СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Рим, 17 мая 2005, ZENIT/Благовест-инфо. Служба в память о святых проповедниках славян Кирилле и Мефодии прошла в греческом посольстве при Святом Престоле.

На богослужение были приглашены дипломаты из славянских государств — как православные, так и католики. Службу совершил экзарх Вселенского патриархата в Южной Европе, глава греческой православной общины Италии архиепископ Геннадий. Государственный секретариат Ватикана на церемонии представлял архиепископ Пьеро Биджо, глава отдела по взаимоотношениям с Грецией, Кипром и Турцией.

Выступая перед собравшимися по окончании службы, греческий посол Ставрос Ликидис вспомнил покойного Папу Иоанна Павла II, «первого сына великой славянской семьи, облеченного высочайшим достоинством Римского понтифика», и его апостольское послание «Egregiae Virtutis», которое Папа-попаяк посвятил памяти Солунских братьев — свв. Кирилла и Мефодия. Католическая Церковь объявила равноапостольных братьев покровителями Европы — наряду с преп. Бенедиктом Нурсийским. Мощи св. Кирилла покоятся в римской базилике св. Климента; св. Мефодий погребен в моравском Велеграде, где он был епископом.

ОПУБЛИКОВАН СОВМЕСТНЫЙ КАТОЛИКО-АНГЛИКАНСКИЙ ДОКУМЕНТ О ДЕВЕ МАРИИ

Сизтл, 16 мая 2005, Благовест-инфо. Англиканско-католическая международная комиссия опубликовала 16 мая в Сизтле (США) текст совместного заявления «Мария: надежда и милость во Христе», сообщает служба новостей Всемирного англиканского сообщества ACNS.

На презентации документа, получившего название «Сизтлское заявление», присутствовали сопредседатели Комиссии — католический архиепископ Александр Брюнет и примас Англиканской Церкви Австралии архиепископ Питер Карнли. Торжественная церемония в честь публикации документа прошла в католическом кафедральном соборе св. Иакова в Сизтле.

«Этот документ — результат размышлений об аспекте христианской веры, в котором многие христиане черпают духовные силы, — заявил секретарь совместной комиссии каноник Грегори Кэмерон. — Мы надеемся, что это заявление поможет всем христианам понять, почему Мария является фигурой столь значимой».

Диалог между Католической Церковью и Англиканским сообществом начался в 1966 году, по инициативе Папы Павла VI и архиепископа Кентерберийского Майкла Рэмзи, а спустя четыре года была создана совместная комиссия, работающая до сих пор. За период с 1970 по 1980 год этот орган принял ряд важных заявлений по таким вопросам, как евхаристия, священство, церковная власть. Начиная с 1983 года комиссия также работала над документами, посвященными проблемам нравственности, спасения, учения об оправдании верой, и, наконец, роли Девы Марии в вероучении и жизни Церкви.

«Мария: надежда и милость во Христе» не имеет догматической силы. Этот документ — материал для размышления и дальнейшего обсуждения богословами двух традиций.

МЕЖДУ ДВУМЯ ПОНТИФИКАТАМИ

В эти дни, после того, как стало известно, что конклав кардиналов Римокатолической церкви избрал кардинала Йозефа Ратцингера на папский престол и что новый епископ Римский принял имя Бенедикта XVI, появилось уже немало материалов в прессе, на телевидении и в интернете, посвященных этому событию и лично новоизбранному папе.

Вполне естественно, что мало кто из наблюдателей, пишущих на эту тему, избегает сравнения Иоанна-Павла II и Бенедикта XVI, ближайшего его сподвижника в последние годы. Строятся предположения, какой будет позиция Католической церкви при новом папе, как сложатся отношения с Православной церковью, что будет меняться в отношениях между Римом и Москвой?

Новому Римскому епископу, папе-консерватору, подчеркнувшему это, отслужив первую в новом качестве мессу по-латыни, припоминают и «Гитлерюгенд» и «Инквизицию», и знаменитое выступление в 2000 г., когда он поставил под сомнение почти повсеместно принятое по отношению к Православной и Католической церквям выражение «церкви-сестры». Кто-то ужасается, кто-то надеется на «твердую руку» и ждет обращения к «фундаментальным ценностям».

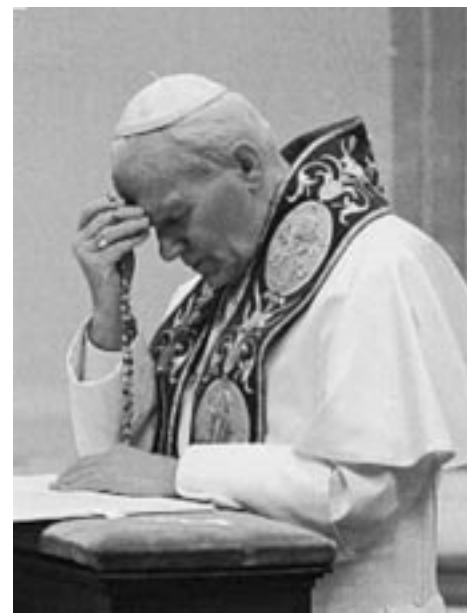
С другой стороны, даже Ганс Кюнг, тот, кто заведомо не приветствует то видение жизни церкви, которое представляет собой Йозеф Ратцингер, говорит: «Давайте дадим ему шанс. Тот, кто вошел в Сикстинскую капеллу кардиналом-консерватором, может выйти из нее Папой-реформатором».

Одним словом, мы не знаем еще папы Бенедикта XVI. Мы не знаем, что нового принесет он в жизнь своей церкви и в отношения с Православием. Будем надеяться, что решение конклава было быстрым не из-за поспешности и необдуманности.

Но есть папа, которого мы знаем. Он с конца 70-х служил Господу и Его Церкви. В это трудно поверить, но Иоанн-Павел II стал предстоятелем Католической церкви так давно, что попал в этом качестве даже в песню Высоцкого, хотя так и не смог приехать в Россию. Не смог, хотя было объявлено о том, что «железный занавес» рухнул. Видимо, рухнул не для всех, или не весь. Кажется, что вера в то, что это должно, наконец, произойти, и заставляла уже очень пожилого и немощного понтифика стремиться предпринять далекое и непростое путешествие в Россию в последние годы его земной жизни.

Сам этот «неприезд» папы, равно как и «неприезд» первых людей церкви и государства на его похороны, показал, что не все так просто с этим пресловутым занавесом. Сама по себе встреча не означает ни победы, ни капитуляции, она — лишь возможность начать диалог лицом к лицу, а не по почте или через советников, через дипломатов. С чем захочет приехать новый папа? Готов ли Ратцингер вести братский разговор, или он в духе его декларации 2000 г. будет невозможен?

Похороны Иоанна-Павла II показали тем, кто не видел этого при его жизни, что ушедший папа был не только по-

литиком от церкви, что разговор был возможен. Не поговорили.

Видимо, помешал этот самый занавес. Который разделяет человека надвое, и из-за которого, как из-за высокого и красивого иконостаса, не видно, как одна за другой уходят возможности сделать шаг вперед. Навстречу друг другу. Возможности не только по-братски говорить с другими христианами, но и в своей Русской православной церкви отвечать Богу всей своей жизнью, а не только красивым блеском куполов в ясный весенний день.
Илья ПРАЛЬНИКОВ
22 апреля 2005

КОЛЕЯ И АВТОСТРАДА

В британском католическом журнале «The Tablet» от 24 апреля 2005 г. опубликована статья «Егер превратился в пастыря» («Gamekeeper turned pastor», Elena Curti, Margaret Hablethwaite, в оригинале ее можно прочесть в интернете на <http://www.thetablet.co.uk/cgi-bin/register.cgi/tablet-01015>), рассказ которой о некоторых моментах жизни Йозефа Ратцингера кое-что дает для понимания личности новоизбранного папы Бенедикта XVI. В 60-х годах Ратцингер имел репутацию прогрессивного теолога и работал бок о бок в Тюбингене с известным своей последовательной приверженностью церковному обновлению швейцарцем Хансом Кюнгом. Их обоих тогдашний архиепископ Кельнский Йозеф Фрингс выбрал для рекомендации в качестве консультантов II Ватиканского Собора. Поворотный момент в мышлении Ратцингера произошел во время студенческого бунта в Тюбингене в 1968 г., всплеск насилия которого столь ужаснул его, что он ушел с кафедры этой знаменитой богословской школы, перейдя в Регенсбургский университет в родной Баварии. Переживания, вызванные сту-

денческой вольницей, очевидно, и обусловили его последующую эволюцию в сторону консерватизма. Уже будучи кардиналом, он в 1979 г. от имени Церкви лишает своего коллегу Кюнга (в свое время и рекомендовавшего его на тюбингенскую кафедру) лицензии на преподавание теологии. Статья в «The Tablet» приводит слова из его проповеди 31 декабря 1979 г., видимо, итожащие мировоззренческую подоплеку этой коллизии: «Христианский верующий — простой человек: епископы должны защищать веру этих малых людей от мощи интеллектуалов».

В современном социокультурном лексиконе такая позиция зовется охранительной («егерь» и «пастырь» из заглавия статьи и есть охранители — один дичи, другой стада), а убежденность в потребности «малых» (под которыми подразумевается большинство) людей в твердой отцовской руке, оберегающей и направляющей (как и сама эта потребность), — патернализмом. Вспоминается другой знаменитый охранитель и патерналист — Константин Победоносцев. Тот тоже пекся о «малых сих», по мере своих обширных возможностей держа их в русле «народной веры» и жизни «не рассуждением, а чутьём» и защищая их от влияния тогдашних интеллектуалов, как, впрочем, и от интеллектуального начала как такового (известны его соответствующие высказывания, в одном из которых привычку логически мыслить он называет «рабством силлогизму»).

Наблюдение не лучших проявлений человеческой природы способно делать охранителями и патерналистами даже людей незаурядных и тонких, каковыми являются и Победоносцев, и Ратцингер (не стоит с либеральной колокольни видеть во всех консерваторах людей заурядных и «толстых»). Такое мышление опирается на тот факт, что личностные — разумные и творческие — начала, заложенные в каждом человеке, в реальности проявляются у разных людей в разной степени. Но оно воспринимает этот факт фатально, исключая веру в человека. Победоносцев, кстати, и не

скрывал, что одним из главных пороков западноевропейской культуры он считал веру в добрую природу человека.

Могут, с опорой на общеизвестные исторические факты, сказать, что все-таки сильный обер-прокурор оказался прав: снятие с российского общества опеки православия и самодержавия известно к чему привело. Но тогда прав и Великий инквизитор, логика которого, бросающая Христу вопрос: «много ли таких, как Ты?», есть в точности логика охранительной-патерналистской. Здесь много что можно ответить, уже хотя бы то, что именно в той стране, где эта опека держалась дольше всего, и произошел катаклизм. В конце концов, если уж угодно заботиться защитой тех, кого считаешь «малыми сими» и при этом желать им роста, то, если здесь в какой-то мере уместна эта терминология, «лучшая защита — нападение»: не ограждать от интеллектуального начала, а делать все, чтобы приобщать к этому началу, к опыту рефлексии, осмысленного мироощущения, творчества, град которых растет в мире одновременно с градом зла, бед, катаклизмов.

«Гладко было на бумаге», реальный же ландшафт жизни всегда являет собой пересеченную местность. В том, что Западная церковь, живущая среди «совершеннолетнего» и очень непатерналистского мира, сейчас сделала тот выбор, который сделала, можно видеть жест дистанцирования, самозащиты от пугающе сложной проблематики этого мира, жест, идущий, как опять же можно видеть, не просто от воли без малого полтора сотен выборщиков конклава, а из глубин реакции верующего сознания на встречу с этой проблематикой. Старая сельская дорога, по известной шутке, в каком-то смысле комфортнее просторного европейского автобана: машина из колеи не выедет. Есть немало признаков, что христианство (относительно не только католичество) в очень большой своей части продолжает ассоциировать себя со старой сельской дорогой.

Дмитрий МАТВЕЕВ

В течение пяти лет православное братство во имя архангелов Михаила и Гавриила проводит культурно-просветительские программы для города Архангельска. Среди них — встреча с Н.А. Струве, поэтический вечер О.А. Седаковой, беседы с литературоведом А.И. Шмаиной-Великановой, историком Д.В. Поспеловским, профессором-славистом Жоржем Нива, презентация книги "УМСА-Press в Архангельске", концерты Сергея Юрского, вечер памяти С.С. Аверинцева.

Эти встречи — не только свидетельство, что братство может сделать что-то доброе и на общественном уровне, например, пригласив на Север замечательных людей, взяв все расходы по их приезду на себя, устроив их публичные выступления, подарив

несколько редких книг областной библиотеки и т.д., но и создание поля для встречи и диалога с местной интеллигенцией. В результате этих культурных программ стало понятно, что в Архангельске и Северодвинске почти полностью разрушена общественная жизнь, и участие в ее воссоздании — это долгий, кропотливый труд, который не может не принести свои плоды.

О том, что это за плоды, говорит в своем письме духовному попечителю братства свящ. Иоанну Привалову Ольга Седакова:

"Я давно хотела Вам написать, что, может быть, только у Вас и нашло продолжение того, что кажется погибшим или погубленным за последнее десятилетие: слово Солженицына, слово Аверинцева (от которого

коллеги теперь отошли, а научной школы ему создать не дали), церковное возрождение советских времен (по отношению к которому современные церковные настроения выглядят как его полное отрицание), культурное возрождение 70-х (теперь затопленное контркультурным авангардом)... Это только первое, что приходит в голову. Это необычайно ободряет — до встречи с Вами (и со всем и всеми через Вас) я готова была думать, что "они" победили — таким неожиданным маневром, "освободительным": ведь разрушена, осмеяна, забыта оказалась не эта несчастная система, а все, что было вопреки ей, что было направлено в будущее... Теперь, благодаря тому, что у Вас происходит, я уже не уверена в "их" победе. Всей душой желаю Вам достойного продолжения!"

ВСТРЕЧА С "НЕВИДИМКОЙ"

В Архангельске прошла встреча с Е.Ц. Чуковской

"Хорошо, но... ничего особенного, ничего ошеломляющего. Все как надо. Знакомо... правдиво... не ново... Но странно: чем больше даешь волю памяти, тем больше хочется думать о пьесе", — так говорили о произведениях Чехова. Не случайно именно Чехов с его емкой ПРОСТОТОЙ и айсбергами смысла дал нам ключ к рассказу о встречах с Е. Ц. Чуковской, приезд которой в Архангельск состоялся по приглашению Заостровского Свято-Сретенского прихода и библиотеки им. Добролюбова.

В декабре 2003 года в Москве на конференции, посвященной 85-летию А.И. Солженицына, настоятель Заостровского храма о. Иоанн Привалов увидел "старую гвардию Солженицына", которая отличалась от всех присутствующих в зале благородством лиц, излучающих счастье. Там же произошло и знакомство с Еленой Цезаревной Чуковской. Отец Иоанн пригласил ее приехать в Архангельск, завязалась переписка.

В январе 2004 года существующее в Архангельске православное братство во имя архангелов Михаила и Гавриила провело конференцию по очерку Солженицына "Невидимки". Главной целью обсуждения было увидеть в "невидимках" как духовном движении примеры того, как можно строить отношения между людьми, объединенными общим делом, мгновенно реагировать на ситуацию, сохранять плотный темп жизни и жесткую дисциплину. Одной из любимых цитат в братстве стало: "Недобросовестные никогда не вклиниваются в работу, с них она соскальзывает естественно, добросовестным — достается работа за нескольких, и еще они сами ищут ее повсюду". Говорили о противостоянии Солженицына и его помощников лжи тоталитарного режима, о силе освобождающего слова, экзистенциальном выборе невидимок, причинах "провалов" и о многом другом. Встреча с Еленой Цезаревной стала закономерным продолжением этой конференции.

Мы ждали удивительного человека, которого Солженицын называл "начальник штаба моего", особенно отмечая в "Невидимках" ее пунктуальность, трудолюбие, аккуратность, четкость, любовь к порядку во всех делах. "Именно Люша помогла мне изменить всю скорость жизни и перейти в непрерывное наступление... Так самоотверженна, действенна и незаменима была Люша... Жажде работы у Люши не было границ... Выполнила изнурительную, многотерпную работу". Она же (Е. Ц.) писала, что "в середине 60-х какое-то участие принимала в делах Солженицына". Мы задолго до знакомства узнали ее как хранителя семейных архивов, который в течение почти 40 лет боролся за издание "Чукоккалы", почти 20 лет — за дом-музей Чуковского в Переделькино, и при этом читала ее слова: "Я ничего абсолютно не пишу. Я постоянно листаю указатели, тасую бумажки". В. Корнилов писал о ней как о "чуть ли не единственной женщине, живущей не по лжи". Она свой выбор объясняла простой необходимостью, элементарным поведением всякого разумного человека. Лидия Корнеевна Чуковская писала: "Вы не знаете, что такое Люша: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!" и это ещё не характеристика". А Люша уже в течение пребывания в Архангельске не уставала повторять: "Я не знаю ответов на все вопросы... Я несколько напугана тем, как меня представили, потому что это не соответствует моему представлению о себе". Мы удивлялись ее постоянному подвижничеству к труду без отпусков и выходных — она удивлялась нашему удивлению: "Я же была таким советским служащим, который старался делать что-то для сохранения того, что мне казалось существовавшим". Но это было потом, а когда ждали, было немного не по себе: нрав-то все Чуковские не лилейного! На всякую фальшь реагируют болезненно и решительно и времени зря не тратят. А мы?

Мы часто живем в условном наклонении, она — в повелительном, поэтому увидеть ее означало гораздо больше, чем долго говорить о необходимости обретения служения, внутренней дисциплины, соблюдения правил жизни, о теплохладности. Есть чему научиться у всех "горящих" Чуковских, ненавидящих безделье и болтанье, полужизнь и полуделанье.

Нельзя не уважать и ту скрупулезность, с которой "педантичная" Елена Цезаревна подходит ко всему, чем занимается, не терпя "недостовверных, перепутанных обстоятельств, непроверенных обвинений, искаженных цитат".

Справа налево: о. Иоанн Привалов, Е.Ц. Чуковская, матушка Татьяна

Все, о чем читали, подтвердилось. Действительно, сказала она мало, больше показала, потому мы больше смотрели на нее как на "уходящую натуру". Очень красивая, нравственно крепкая, цельная, целенаправленная, собранная, нерасслабленная. Достойный результат достойной жизни, когда человек занимается только главным, делает это с радостью и высочайшим профессионализмом, ни на что не отвлекаясь, не разбрасываясь.

Эпиграфом к первой встрече с нами Елена Цезаревна выбрала отрывок из "Процесса исключения" Л. К. Чуковской: "Перед каждым перо и бумага. У каждого есть брат — любящий, правдивый, строгий, смелый. Он не покинул нас и, если мы окажемся того достойны, — не покинет. Забудем о залах Центрального Дома Литераторов. Научимся видеть в темноте: братство рядом". Сначала было очень трудно, потому что мы существовали в разных системах координат: мы пытались разрешить гамлетовские вопросы — она смотрела на нас испытующе, пытаясь понять, действительно ли важна для нас эта встреча. Только много позже многие из нас объяснили себе, что вот это и было настоящее смирение: никакой эффектности, строгое понимание своих "границ", только о существенном, конкретно, точно. В силе только слово, не расходящееся с делом, точнее, слов минимум — дело прежде всего. И сразу вспомнилось отношение акмеистов к слову как высшей ценности. О чем бы ни говорила Елена Цезаревна, лейтмотивы одни — Долг. Ответственность. Необходимость. Добротность. Никакой суеты, никаких высокопарных слов, ироничное отношение ко всякому рода газетным штампам и клише — всему искусственному. Скрамность и аскетичность во всем. Абсолютное нежелание играть роль "гуру": "От меня ждут каких-то рецептов, которых у меня абсолютно нет. Я так же мало понимаю, что делать, как и все остальные".

Удивительно, что при явном несогласии с Солженицыным по ряду вопросов она светится, говоря о нем. Светится, вспоминая о деде, матери, о своей работе, дорогих людях. В воскресенье была трапеза, где и мы, и Елена Цезаревна начали открываться друг другу. Она увидела активных читателей книг ее деда и матери, что для нее очень важно, и немного растаяла. Сразу было понятно, что ни Лидия Корнеевна, ни наша гостья не избалованы вниманием читателей и добрыми словами, и слова Лидии Корнеевны о том, что России "не до нее", — это и боль Елены Цезаревны, почти в одиночку сражающейся за публикации произведений деда и матери. Трапеза шла тепло, радостно, и Елена Цезаревна опять светилась. Разговор о педагогическом наследии семьи Чуковских шел непросто, хотя внутреннее ощущение после него было хорошее и спокойное.

В областной библиотеке им. Добролюбова в этот раз было очень много молодежи, в отличие от всех предыдущих встреч. Видно было, что аудитория, собирающаяся на эти встречи, неравнодушная, думающая, чуткая. И хотя многие говорили о неинформационности (были даже и разочарованные из-за этого), большинство отмечало прежде всего атмосферу, особый микроклимат, который создается постоянными участниками таких событий в городе.

Ирина ПОНОМАРЕВА

Цитаты из выступлений Е.Ц. Чуковской в Архангельске:

Почему Вы помогли Солженицыну: ради одной "большой цели" или просто как человеку?

Я не думаю о таких терминах, как "большие цели"; истина конкретна, по-моему. Тем более, что в полном объеме замысел Александра Исаевича ни тогда, ни сейчас не могу сказать, что тут имеется в виду. Я всегда помогала и продолжаю помогать тому, что я понимаю и чему я сочувствую, а просто помогать всему — это нет, это не спасет мир.

Как Вы считаете, могут ли вернуться времена, когда понадобится самиздат?

Все может вернуться, вообще говоря. Настоящего иммунитета еще нет. Мы все время воюем, живем в нищете... Силы и возможности видны огромные, но когда они развернутся — трудно сказать. Потому что всюду не хватает людей по-настоящему увлеченных, компетентных и могущих сдвинуть этот воз. В то же время продолжается отрицательная селекция, когда жизнь отесняет людей заинтересованных или они сами уходят. А приходят очень знакомые, равнодушные...

За счет чего был возможен такой жесткий ритм жизни Солженицына и "невидимок". Или это совсем необязательное условие?

Нет, конечно, не так быть не могло, потому что иначе ничего бы просто не получилось. Александр Исаевич всегда поражал фантастической работоспособностью, просто одержимостью, целеустремленностью. Больше всего он берег время, так же и Корней Иванович, так же жила и Лидия Корнеевна, незვიрая на все болезни. Она вставала, выпивала чай и всё остальное время работала. Это нормальное условие для достижения какого бы то ни было результата, потому что из неорганизованности и расхлябанности достигнуть ничего нельзя. И я старалась время использовать с максимальной пользой, как и все люди, заинтересованные в чем-нибудь. А незаинтересованные ничего и сделать не могут.

Когда читаешь очерк "Невидимки", кажется, что почти все эти люди "на одно лицо": энергичные, ответственные, точные, аккуратные... Так ли это было?

Ну, все-таки происходит, наверное, какой-то естественный отбор этих людей. Просто люди, которые были неточны, неорганизованны, неделовые, естественным образом не участвовали во всех этих делах, ведь каждая жизнь — это ежеминутный выбор, и просто очевидно отбирались те, которые были такими.

Понимали ли "невидимки", что, помогая Солженицыну, они буквально рискуют жизнью? Если понимали, то почему их выбор был именно таким?

Мне кажется, что выбора не было... Каждый может быть только собой. Человек делает то, что кажется ему разумным, неизбежным, потом за это приходится и расплачиваться, иногда очень тяжело. Конечно, мы осознавали, что все это рискованно, поскольку видели это каждый день. Страшно было время. Например, был случай, когда человека, приходившего к Сахарову с жалобой, на обратном пути выкинули из поезда. Борьба была, конечно, нешуточная.

Я вообще считаю, что мы упустили возможности, связанные с замечательными общественными настроениями в конце восьмидесятых. Люди тогда верили, что от них что-то зависит... И советский стиль жизни еще не преодолен, а самое главное — остался советский подход к людям.

Тот период истории, который пережила наша страна, начиная с 17-го года и продолжает в какой-то степени переживать, это, конечно, тяжелейшее испытание, если учесть, сколько народу погибло в результате этого эксперимента. Этот народ унёс с собой свои возможности, и опыт, и просвещение. Кроме того, произошёл слом всего уклада жизни. И, конечно, время показывает, что возвращаться к какому-то нормальному складу, мне кажется, можно только какими-то участками. Мы старались мир перевернуть, и перевернуть всё сразу. А возвращаться, наверное, придётся, отвоёвывать человека за человеком, судьбу за судьбой, общество за обществом. И в этом смысле тот путь, на который вы встали, мне кажется очень перспективным и обнадеживающим. Я не знаю, в каком смысле он может охватить страну и преобразовать её, но то, что он может, так сказать, украсить жизнь и наполнить смыслом какую-то группу лиц — это уже очень много.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

короткие рассказы по мотивам воспоминаний ветеранов

*В.Куманцов, 1920-2000 гг.,
записано в 1982 г.*

Если будешь писать о вере на войне, то тут ты или будешь первопроходцем и славу получишь неведомо какую, или, напротив, это будет твоя первая и последняя попытка опубликоваться. И, скорее всего, неудачная...

Скажу тебе свое к этому отношение. Я в войну не рядовым был. Начал лейтенантом, закончил — капитаном. До войны успел три курса Бауманского закончить. Конечно, грамотным был, над верующими смеялся. Только вот уже один год войны перевернул что-то в душе моей. От полного неверия и неприятия я перешел сначала к вере в общем, наряду с мистикой, приметам, и прочей «чертовщиной», а уже в сорок третьем серьезно начал верить в Бога. И молиться. Словно кто-то открыл мне все это. И после войны, аж до рождения младшего сына, в шестьдесят втором, я часто в церковь ходил. И искренне верил.

И скажу тебе, что вера эта мне помогла и не раз. А уж как помогала молитва — вообще сейчас объяснить затрудняюсь. И я уверен, что перед боем к Богу обращались все. И молитва была у каждого своя. А главное — верили тогда искренне. Всегда помни об этом. А если будешь писать — постарайся сам поверить, тогда и напишешь хорошо.

«СВЯТОЙ»

*(по мотивам рассказа
бывшего старшины
К.Короткова, запись 1986 г.)*

До 1944-го я оборонял Ленинград, но воевали мы не с немцем, а с финном. Думаешь, что с финном легче было? Ничуть. Финны — воины сильные, хорошие стрелки среди них часто попадались. И в лесу они чувствовали себя свободно. Короче — не курорт был наш участок фронта, хоть немца и не было. А если добавить тебе, что дорога, по которой машина могла проехать к нам из тыла, только одна была (болота кругом и речушки), то сам посудишь можешь, как нам было. Батальон наш оборону держал на небольшой возвышенности вдоль границы леса — островке. Тут хоть можно было окопы в метр глубиной выкопать и мелкие блиндажки и землянки возвести, в которых только раком ползали, или на пузе — глубже-то вода шла.

Летом-то на нашем «островке» еще терпимо было — деревья его чуток прикрывали. А вот осенью и зимой — совсем беда. Лист с деревьев падает, сосенки невысокие и островок наш просматривается почти на всю глубину с финской-то стороны. И понятное дело, их снайперы не давали житья. Пули свистели аж со всех сторон. Вот и представь, каково нам было осенью, когда дождь льет, а в промежутках между холодными дождями из мокрой землянки не вылезешь, в противном случае пулю слопочешь.

А тут еще одна напасть. Дорога, как я тебе сказал, из тыла только одна к нам вела, финны ее пристреляли. И только они слышали звук «газона», как начинали мины на дорогу кидать. Вот и приходилось часто разгружать машину далеко от передовой и таскать жратву километра за четыре на своем горбу. Лошадок-то у нас по причине блокады почти что не было. Так что тут уж не до горячей пищи. Вот и прозвали мы эту дорогу «нашей дорогой жизни».

Впрочем, дорога эта нам не только еду поставляла. Боеприпасы, медикамен-

ты, письма, газеты, раненых в тыл — все по той же дороге везли. Хотя зимой с дорогой было полечче. Как вода замерзала, так по болотам пешком на лыжах проходили и волокуши за собой тащили. Все же получше со снабжением бывало. Но это тоже не сразу поняли. В сорок первом и сорок втором хлебнули мы всего этого горя полной мерой...

И вот однажды по весне сорок второго сидим мы и с голодом боремся, как можем. Конечно, у нас пайки были все же не блокадные, нам стрелять надо, но все равно кушать с гулькин нос. Наверное, меньше простой тыловой нормы, а по сравнению с другими фронтами и вообще голодуха. А тут как раз финны накрыли минами наших «пищевиков». От той поставки только и дошел до нас, что мешок сухарей. И убило нашего замполита, что газеты вез и харч сопровождал, чтобы не разворовали, да двух поваров убило. И сутки потом жевали мы кору сосновую и сосновые же побеги с растюренными окаменелыми безвкусными сухарями. Или нет, в тот раз наши бойцы вроде как доползли до речушки и слови-

вечал коротко, что Бог есть, но в обсуждения не пускался. И вообще сперва он как-то всех окружающих избегал. Боялся, что ли?

А тема про Бога скоро стала постоянной. Как только наш «святой» доставал свою Библию, так кто-то и вспоминал о Боге. Но вот однажды, видать, проняло его. Появился у нас один «академик» с высшим образованием, начал факты излагать на тему, что Бога нет, так тот с ним начал разговор. Слово за слово и перешли они к устройству и возникновению мира. «Академик» горячится, что-то свое доказывает, про самолеты, воздушные шары говорит, но тут «святой» вдруг спрашивает его, откуда это тот знает, что мир устроен точно по законам физики? Тот ему обратно что-то доказывает, руками машет, голос повышает, а этот спокойно так вопрошает: «Стало быть, Вы верите в это?» А тот ему в ответ: «Конечно, верю!» А «святой» ему: «А я верю в то, что в основе мира — Господь Бог, а законы физики — Им написаны». Этот опять давай горячиться, что-то талдычить о своем, но мы

ходить вечерами из других взводов и рот. Комбат и тот начал вызывать его к себе время от времени. Они о чем-то там по долгу беседовали. А потом как-то приехала группа командиров из другого батальона и рабочие из осажденного Ленинграда. И тоже довелось им побеседовать с ним. А в начале мая пришла в полк целая делегация из деревеньки, что располагалась в нашем ближнем тылу. Уж они-то откуда прознали? У них батюшка зимой умер, так просили нашего комполка, чтобы на Троицу отпустил нашего «святого» к ним — детей покрестить и самим причаститься.

Что тут началось! Майор наш, как положено, отправил запрос в дивизию. Оттуда приехала комиссия из трех человек и давай «святого» допрашивать! Потом прошла неделя, ходил слух, что проверяющие аж из армии приехали, но сами прибыть в наши края не решились и вызвали его, стал-быть, самого в полк. Он отбыл туда в сопровождении за ним специально приехавшего лейтенанта. Короче, такая катавасия длилась, наверное, недели две. Но, видать, разрешили там, и отбыл раб Божий на Троицу в ту деревеньку, где его ждали. Вернулся через три дня и привез с собой икону, крест и две толстые книги, что ему бабки местные отдали. И продолжал свою службу рядовым в батальоне. И Священное писание каждый вечер читал нам. Вместо политической информации получалось.

А потом сменилось у нас командование, и больше его из батальона уже никуда не отпускали. Но тут началось паломничество к нему. Гражданских-то, понятное дело, не пускали, но шли солдаты и командиры из других батальонов. И все на злобу дня по Священному писанию беседовали.

Не знаю, кто там и о чем распорядился, но осенью порешили на нашем островке ставить часовню. Сперва хотели ее в землю поглубже закопать, но как в ней службу справлять в согнутом виде или лежа? И порешили ставить на поверхности земли. Правда, было мнение, что финны ее расстреляют из минометов и пулеметов, но «святой» уговорил «положиться на волю Господа». Вот на месте сгоревшего домика лесника, что стоял когда-то посреди нашего «островка», поставили небольшой домик из жердей, примерно восемь на восемь шагов. Проложили жерди мхом, которого тут было в избытке, покрыли крышу, внутри повесили икону. На крышу «святой» лично установил большой деревянный крест. Вот и вся часовня. А потом стали думать, как быть. Ведь днем на «островке» ходить было опасно. Я уже говорил тебе, что финские снайперы с трех сторон пуляли и очень точно. Вот только тут задумались, а что будет, если по этой часовенке финны огонь откроют в момент службы? Потери были бы страшные. А ночью служить только всеобщую молитву. Надо было на рассвете и на закате службу справлять.

Вот так часовня недели две пустая стояла: и была готова для службы, но входить в нее боялись. И тут наш «святой» надел черную шапочку, крест и пошел в часовню на рассвете, как он говорил, «вспомнить утреню». А мы все ждали, что стрелнут финны и кажут ему. Но финны не стреляли. А потом к нему присоединились уже и некоторые пожилые верующие. Человек пятнадцать набралось. Почти все лето, как можно было, ходили они на службу. А тем временем настала осень и лист с деревьев совсем облетел. Наш «островок» стал просматриваться с финской стороны и опять засвистели пули. И опять мы ждали, что вот-вот убуят нашего «святого» и делов. Но вот что удивительно. В то время, как «святой» был в часовне, огонь с финской стороны вдруг сразу прекра-

После битвы под Курском. Жители города Дмитровска-Орловского встречают красноармейцев, освободивших город. 1943 г.

ли там песчариков и лягушек. Не бог весть что, но хоть какая-то приправа. Сидим, с голода пухнем и замполита жалею. Хороший мужик был, душевный: со всеми поговорит, всем слово утешения найдет. Знаешь, чем-то он на замполита Овсянникова из кино «На войне как на войне» похож. За таким — и в огонь и в воду. Жаль, что мало таких было. Больше все из тех, что потом по бумажке: бубу-бу!

А потом все-таки привезли нам на телеге, запряженной тощей клячей, и снесь, и газеты. И пополнение с ней пришло. Все больше пожилые из местных и недалекие расположенных районов. И среди них неприметный мужичок, невысокий такой, тихий. Из личных вещей у него с собой только книжка была истрепанная в черной бумажной обложке. Он ее в свободное время все почитывал. Как сидим в землянке, так кто-то истории заворачивает, кто-то песни поет, кто-то письмо домой строчит, а этот все свою книжку достанет и склоняется над ней. А потом сидит, на огонь смотрит и молчит.

Понятное дело, интересно всем стало, что это за книжка у него такая? Оказалось — Священное писание. Мужик-то из попов оказался. Его в тридцать восьмом осудили и сослали в эти места. Вот с тех пор и жил он где-то неподалеку, но богослужением заниматься ему запретили.

Как только это выяснилось, так начали мужика на божеские темы поддевать и, конечно, сам собой родился спор, а есть ли Бог на небе. Мужик сперва от-

познаем, что возразить ничего толком уже не может.

Меньше стали посмеиваться над ним, особенно когда он начал потихоньку включать в наши разговоры. И вдруг понял я, что он чем-то на погибшего замполита похож. Нет, внешне совсем он другой, но вот общался точно так же: внимательно выслушает собеседника, а потом пересказывает кусочек из Священного писания. И все прямо не в бровь, а в глаз! И объясняет еще, если что непонятным осталось.

Много чего он нам открыл. Во-первых, оказалось, что очень многие пословицы и поговорки, которыми мы пользуемся, из Библии взяты, а уж житейские мудрости, вроде как «в чужом глазу соринку видишь, а в своем бревна не углядишь» — поголовно все из Священного писания. Потом оказалось, что молитва — это обращение человека к Богу и можно молиться не только «Отче наш, иже еси на небеси», но и по-другому и о чем угодно. Главное — просить и благодарить Бога искренне.

Ты не думай, что он был у нас на каком-то особом положении. Нет. Он честно исполнял свои обязанности рядового. И в окопах сидел, и в секрете, и на часах стоял, и еду по «дороге жизни» доставлял. И стрелял так, что дай Бог каждому, и дрова заготавливал по ночам в лесу по брюхо в болотной жиже. Короче — ничем он от нас не отличался.

А молва про него пошла, что у нас завелся «святой». И в наш взвод начали

шался. Да и по самой часовне финны практически не стреляли. Чудо? В том-то и дело! Но все было как раз так.

Только чудо это скоро раскрылось. Как-то взяли полковые разведчики финского «языка» с нашего участка фронта и выяснилось, что против нас воюют финны православные. Именно, что православные. Из тех, что при царе крестились. Они сперва всех нас атеистами считали и так удивились, что у «советов» стоит часовня, в которой справляют службу, на которую ходят бойцы, что с их стороны собирались даже целые делегации посмотреть на нашу часовенку. И смотрели они на нее по очереди в бинокли и стереотрубы, что на чудо чудесное. А наш «святой» у них большое уважение вызвал, и потому они очень боялись ему вред принести, и даже прекращали стрелять, когда он службу нес.

Вот такая тебе короткая история. Хочешь верь, а хочешь выкинь ее прочь. Жаль, что имя и фамилию «святого» я запомнил. Звали его вроде как Алексей и фамилия такая простая, что убей не помню. Жалко, что фотографии мои не сохранились. Была там одна, где он в шинели, черной шапочке и с крестом на брюхе. Вот бы тебе полюбопытствовать.

В ГЕЕННЕ ОГЕННОЙ (Из рассказов Михаила Федоровича Соломина. Записано в г. Воскресенске в 1984 г.)

Самый трудный год войны был для нас — сорок третий. Это сегодня про сорок третий все говорят, что, мол, уже коренной перелом прошел и легче стало. Ничего подобного! Труднее нам было в сорок третьем, нежели в сорок втором. И понятно почему. Немец-то еще силен. И оружие у него новое появилось, сильное — «Тигры» всякие, разные там «Фердинанды», пулеметы, истребители. Так что курортом год не был, и потерь у нас было ой сколько! Но уж после Сталинграда мы, конечно, повеселели.

Я был тогда в танковой армии у Рыбалко и воевал на легком танке Т-70 — «семидесятке». Ты, небось, такие и не знаешь! Как мне этот танк? Да дерьмо изрядное, впрочем, как и любой танк. И Т-34 ничем не лучше, и ИС горел не хуже всех их. Хотя у Т-70, как и у любого другого, были свои плюсы. Он был маленький по размерам, тихий на ходу (не громче грузовой машины), верткий и проходимый. Но броня с боков все же тонкая и пушечная — сорокапятка, тоже слабенькая, особенно против тяжелых танков.

Но воевали мы на нем с моим водителем долго — с мая по конец июля, и все живы были. И танк все цел бывал. Так что внешность бывает и обманчива. Удачным для нас этот танк оказался.

Собственно, я тогда совсем пацаном был — двадцать пятого года рождения, только что после училища с одной звездочкой на только что введенных погонах. А вот водитель мой уже успел и пожить, и повоевать. Ему уж под сорок было, а может, и поболее.

Воевали мы с ним хорошо. Таких, как он, специалистов я не видал ни до, ни после него. Танк он водил хошь прямо по струночке, а хошь — с реверансами и прочими выкрутасами. А еще — поводом умел танк подавать, так что у меня с ходу получалось удачные выстрелы давать с пушки. И вообще для меня он был очень дорог. Как отец относился ко мне. Только это все я уже потом понял. Тогда как-то даже стеснялся этого.

А еще он был верующим. Представляешь? Грамотный человек, хошь и механик-водитель, не курит, пьет только свои «фронтовые сто», и каждое утро и каждый вечер, если есть возможность, вынает из своего имущества маленькую икону и вполголоса молится. Почти каждый день слышал я разные там «Господи, помилуй!» и «Будь славен во веки ве-

ков, аминь». Но верой своей он не кичился. Крест, правда, носил, не таясь. Хошь в сорок третьем его и многие атеисты носить стали. Да и молились некоторые из них, даже «Отче наш» про себя под обстрелом бубнили. Но Михалыч (так моего механика звали) молился как-то по-другому. Просто и искренне.

Так что много разной мудрости в Библии-то собрано. А мы и не знали.

Я у Михалыча Библию часто брал и читать пытался. Но там понять мало что можно было. Все по-славянски. Так что приходилось Михалычу мне все это дополнительно втолковывать. Но втолковал он хорошо. Вот видишь, сколь-

конечно, занялись мы уничтожением пулеметчиков, катаясь вдоль села и расстреливая их с тыла из пушки и пулемета. А потом услышали, как какой-то танк, натужно завывая, ползет от ручья к нам в горку.

Ну все, думаю, мостик мы не блокировали, сейчас они оттуда танки подкинут и капут тогда и нам, и пехотному полку, что орет «Уря!» на поле. Хорошо, что село представляло собой большую букву «Т», построенную вдоль двух дорог. У основания буквы как раз и был тот самый мостик, а дорога от мостика шла в вымоине и поднималась круто вверх. Мы же находились на верхней перекладине буквы «Т» и потому немец нас, конечно, не видел, хотя между домов мы временами видели тот берег ручья, откуда немец выполз, но на нем никого еще не было.

И тут из-за избы вдруг показался длинный ствол немецкого танка с набалдашником. Это был «Тигр». Против него моя «семидесятка» ничего не стоит. Но он меня еще не видит, до него осталось метров сто. Угостил я его в борт подкалиберным, как Давид Голиафа. Он остановился и вроде как даже не горит. Но дорогу своим широким корпусом загородил. А за ним уже «артштурм» гудит. Я стукнул по нему, но не пробил. Он тут же дал задний ход и скрылся у мостика.

А пока мы возились с «тигром», фрицы выползли на поле, что на том берегу ручья, и принялись нас снизу обстреливать из «артштурмов». Один снаряд и проломил нам борт как раз справа — с той стороны, где двигатели стояли. Передний двигатель пыхнул ярко-желтым пламенем. «Горим», — кричу, а сам пытаюсь люк в башне отодраить. А он не открывается. Видать, его снарядом покорежило. Мы рванулись было через передний, но тут услышали, что фрицы около танка ходят и стучат в броню. Это ихние пехотинцы подошли. Куда уж тут вылезать-то? В плен? Нет, лучше смерть. А мотор уже горит всюю. Жаром пышет — как в аду. Легли на днище, там чуток попрохладнее. Помогло, конечно, что комбинезоны у нас были лендливские с асбестовой ниткой, а то бы, наверное, сгорели мы живо, в геенне этой. Лежим на полу и гадаем про себя, когда это наш боекомплект рванет. А броня сверху раскалилась, за люк не возьмешься, и от мотора белый вонючий дым пошел — это загорелось масло, но второй мотор еще тихонько чухает. Правда, выхлоп внутрь танка идет. Жара невыносимая, белый дым, выхлоп — дышать нечем. Прямо выворачивает наизнанку. А возле танка фрицы ходят, галдят. Тут уж делать нечего, только молитвы вспоминать всякие и поджариваться.

И тут Михалыч мне откуда-то противогоз протянул. И как только вспомнил о них? Одел на себя резиновую маску. Вроде дышать полегче стало. Но все одно — жарища и тошнит. И тут, как сквозь сон, услышал «бу-бу-бу» — это Михалыч морду свою ко мне прислонил и молится. Ну ладно, думаю, помоги нам, Господи! Все одно больше рассчитывать не на кого. И тут вдруг понял я, что сознанку теряю.

Очнулся на воздухе. Михалыч меня по щекам лупит. Рядом — наш танк, из которого медленно выползает маслянистый дым. И одна гусеница у танка медленно так проворачивается. Словно он ногами землю роет и звук такой «пффф», словно танк дышит тяжело.

И так мне жалко стало танк наш, что я заплакал. А потом стал молиться следом за Михалычем, который вынул меня из танка. О чем я молился? А кто меня теперь знает? Помню, что бесконечно благодарил Бога за спасение, потом благодарил танк наш за спасение, потом благодарил Михалыча за спасение... Потом просил у Бога помощи... А потом вспомнил «Отче наш, иже еси на небеси...» А потом пришли наши.

Запись рассказов, расшифровка и литературная обработка
Михаила ШВИРИНА

Блокадный Ленинград. Жители города собирают урожай капусты с огородов у стен Исакиевского собора.

Понятно, что я был человеком неверующим, но смеяться над моим мехводом как-то не мог, хошь сперва и пытался его просветить. Помню, как что-то рассказывал ему о природе, о планетах, законах физики. А он внимательно так слушал меня и улыбался, а потом сам дополнял мои рассказы. И тут я узнал, что у него было высшее образование и он десять лет назад был главным инженером завода. А теперь — мехвод. Вот как. А я пытался его просветить из своих скудных школьных знаний.

Вот и воевал я с Михалычем вдвоем. Сначала я им командовал, куда надо ехать и с какой скоростью, а потом, вечером, он мне рассказывал много чего, о чем я раньше и понятия не имел. Особенно запомнились мне библейские войны. Оказывается, все элементы военного искусства уже с давних пор в Библии описаны. Что засаду древние израильтяне вениаминцам устраивали аж три тысячи лет назад. И так ловко! И шпионов к врагам засылали! А как Гедеон с тремя сотнями грамотно обратил в панику тысячи полусонных мадианитян и поразил их! А Маккавейские войны... Просто здорово. Те же самые примеры, что у нас в училище рассматривали. Только у нас они были не о Гедеоне или там Иисусе Навине, а о каких-то генералах и фельдмаршалах, что жили позже. Так что, выходит, что и Ганнибал, и Наполеон, и Суворов черпали свои военные знания из Библии. И мудрые изречения библейские с тех самых пор в народе пошли.

ко времени прошло, а я иные вещи оттуда доселе помню. Хочешь, расскажу, как Давид поразил филистимлян глубоким обходом? Не хуже Ганнибала.

Да. А после всего этого и воевать нам с Михалычем стало как-то сподручнее. Какое-то доверие друг к другу проснулось, понимать друг друга легче стали. Но, собственно, никаких серьезных боев нам проводить пока не доводилось. Так, стычки небольшие. Наступали мы на Орел и все больше реки форсировали и пехоту ихнюю утюжили со своей пехотой на пару. И только один бой страшный был, когда и погиб танк наш.

Знаешь, какой мой самый любимый фильм? «На войне как на войне!» И не только потому, что здорово снят, но и потому, что в нем почти что про нас рассказывается. Верно тебе говорю! В той самой атаке, где наш танк погиб, мы одни и участвовали на одной своей «семидесятке». Остальные танки отстали, нас одних и кинули против пушек и пехоты, чтобы прорвались мы в село и пулеметы подавили. Казалось, что на верную смерть идем, но Михалыч помолился и сказал, что на все воля Господня. Я и успокоился. А нам еще одна задача-то: в село ворваться и заблокировать там мостик, по которому немцы могли подкрепление подкинуть. Я уж не знаю, что тут сыграло, молитва ли, или искусство вождения Михалыча, но ворвались мы промоинами в село-то. Двое нас на легком танке. И все. И,

Е.Ю. Кузьмина-Караваева.
Начало 1910-х гг

В этом году исполнилось 60 лет со дня гибели в концлагере Равенсбрюк преподобномученицы Марии (Скобцовой). Дата эта прошла почти незаметно — может быть, потому, что она ставит нас перед необходимостью понять, что значит опыт матери Марии в нашей сегодняшней жизни.

Одним из знаменитых ушедшего XX века было мельчание людей, рост теплоты не только в вере, но и в жизни. Поэтому те, кто всю свою жизнь был «пламенным», вызывали и вызывают непонимание и опасение; мы чувствуем, что и наша жизнь должна была бы быть полна неравнодушия и одновременно боимся, что это слишком ко многому нас обяжет.

Вспоминаю мать Марию, мы не можем не чувствовать эту ее пламенность во всем — в ее статьях и стихах, в ее служении и ее гибели, о которой она пророчески писала: «конец мой, конец огнелюбный...» Однако очень часто мы говорим об этом лишь в связи с ее последними годами, с ее жизнью в эмиграции. Слишком непонятной и никак не связанной с христианской жизнью кажется нам ее молодость.

Сегодня мы публикуем статью, в которой впервые предпринята попытка взглянуть на взаимоотношения Елизаветы Кузьминой-Караваевой и Александра Блока в контексте всей жизни матери Марии. При чтении этого исследования невозможно будет, наверное, не вспомнить слова Льюиса: «Если мы выберем рай, нам не сохранить ни капли, ни частицы ада. Там, в раю, мы узнаем, что всё при нас, мы ничего не потеряли, даже если отсекали себе руку. В этом смысле те, кто достойно завершили страсти, вправе сказать, что всё — благо, и что рай всюду. Но пока мы здесь, мы не вправе так говорить. Нас подстерегает страшная ошибка: мы можем решить, что всё на свете — благо, и всюду — рай. "А как же земля?" — спросите вы. Мне кажется, для тех, кто предпочтет ее небу, она станет частью ада; для тех, кто предпочтет ей небо — частьюрая". Невозможно будет, наверное, не задуматься и над тем, чем же станет то, что происходит в нашей сегодняшней жизни.

БЫЛОМУ МОЙ ПОКЛОН...

Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария) и Александр Блок

Блок был мучительной и очень плодотворной вехой в ее жизни. Он был великой иллюзией и последним искушением в период выбора ею христианского пути.

Блок был знаковой фигурой периода катастроф. Его творческий гений сумел выразить всю гамму чувств человека, видящего крушение империи, разрушение, хаос, войну.

Для Е.Ю. Кузьминой-Караваевой он значил и больше, и меньше себя самого.

Больше, потому что, творя из него кумира, она пыталась понять истоки своей любви... Образ ли Божий, тоска ли по совершенному человеку и/или совершенным отношениям; жажда всецелого принятия и прощения, и, порой, ощущение любви как греха с невозможностью от нее отказаться порождали бесконечные заклипания веры в веру Блока в нее, ее путь, в то, что она верно понимает его, порой лучше, чем он себя сам¹.

Меньше, потому что ее стремление к трансцендентному оставило вне ее поиска его духовную жизнь, связанную с трансцендентальной мистикой.

Несомненно, она искала агапической любви, в которой никто не отвергнут и никто никем не владеет, но богословски она только начинала это выражать: «...Самое радостное состояние — одиночество; но одиночество, когда нет никаких привязанностей, когда осознаешь его только в минуты спокойного рассуждения. ...Хорошо сознавать человека, любить, чувствовать его, не боясь потери, — чтобы потеря была невозможной»². Но опыт такой любви был еще впереди и для нее, не говоря уже о Блоке.

Ее попытки выразить, чего же она все-таки ищет, раз за разом проваливались и выглядели навязчивостью отвергаемой влюбленной особы³. Она остро чувствовала его «нерожденность» и страстно бунтовала против этого⁴, но ее призывы остались невосприимчивыми. Да и как он мог всерьез воспринять такой, например, пассаж: «...Я узнала, что не только свободно создаю свою жизнь, но и свободно вылепливаю душу свою, ту, которая будет в минуту смерти. И для ее жизни надо, чтобы было много бездельности, грехов, падений»⁵. «...тяжести я ищу»⁶. Или, например: «...надо воле стремиться к личности святой (я, может быть, не те слова употреблю) ...каждый только в возможности вестник Божий, а для того, чтобы воплотить эту возможность, надо пройти через самый скучный и упорный труд»⁷. Видимо, прав А.Н. Шустов: эти пути «были абсолютно чужды художественно-утонченной натуре Блока»⁸ и могли выглядеть слишком убогими для «посвященного»⁹. Елизавета Юрьевна явно ощущала свое призвание обратиться Блоку к Христу: «...чувствую я, всегда и везде чувствую, что избранная, может быть случайно — я, чтобы Вы узнали и поверили испуленную мукой и последней, тоже нечеловеческой любовью»¹⁰. Она хотела возвыситься в своей порою «слишком человеческой любви» и надеялась на поддержку Блока в этом. Но его не привлекали ни ее женская любовь, ни ее христианская любовь через веру во Христа, которую он оценил как «неопределенную» веру¹¹.

Ему, наконец, наскучили их отношения, в которых поиск главного лежал у каждого в разных плоскостях: у него — в горизонтали, пусть даже и «выше» земли, у нее — в вертикали, на которую ставил ее Господь. Ее любовь была отвергнута вместе с ней самой.

Христианская любовь в муках рождалась из утробы ветхозаветных страстей.

Но лейтмотив любви отвергаемой, непризнанной, непонятой уже не умолкал. Он звучал явно или прикровенно всю ее жизнь до самой смерти¹². Уже в 1914 г. она осмысливает привязанность к кому-нибудь как одиночество, потому что, странным образом, с привязанностью «мир как-то пуста и одиночество становится мучительным»¹³. Безумие христовой любви, связанное с кеносисом, уже коснулось ее сердца: «...преобразившаяся все в одно, голая душа многое может», — пишет она Блоку в 1916 году¹⁴, но она еще не знает, «какие пути даны ее любви, в какие формы облечь

ее»¹⁵. Она предлагала Блоку помощь в подготовке к борьбе, чтобы был и он «мудрый и готовый»¹⁶, но он не захотел да и не смог разделить ее крестный путь. Он даже не смог вполне понять ее любовный призыв, слишком откровенным он был, с одной стороны, и слишком вычурным и абстрактным, нелепым и смешным казался с другой.

Очень показательны его записки о ней в письмах, дневниках и записных книжках. Из двадцати четырех сохранившихся — по два абзаца, в остальных лишь сухая информация в одну строчку, как, например, запись от 19 марта 1915 года: «Звонила Е.Ю. Кузьмина-Караваева (меня «нет дома»)»¹⁷.

Тем не менее, он нуждался в ее любви¹⁸. Елизавета Юрьевна была для него, в некотором смысле, ангелом, вестником иного мира, в который он так и не сумел войти.

Главное, что их так мучительно разъединяло, — была различная эстетика их жизни и творчества.

Блок имел, как казалось, неограниченную возможность доступа в «космические» сферы, он, как живая антенна, чутко ловил отзвуки, отголоски, отсветы — любые знаки и символы, и выражал их в поэтическом слове. У Блока «вся карьера... есть борьба со стихией музыки, ...стремление канализировать и утилизировать эту трансцендентную (здесь в смысле «надмирную» — Г.К.) музыку сфер. Влить ее в формы поэтического выражения»¹⁹.

С одной стороны, он был свободен в творчестве, с другой стороны — зависим от темных, иррациональных сил, которые «диктовали» ему жизненный и творческий контекст. Эта мнимая свобода, которой он очень дорожил, не предполагала поиска Того, Кому можно было поклоняться, «не было у него, кому с верой сказать: «Ты мой путеводитель, господин и хозяин»²⁰. Видимо, он был не столько мастером, творцом, сколько искусным проводником и описателем иных сфер²¹.

«Разгадать Блока, как мастера, и утилизировать его, как учителя, во всяком случае не суждено. То, что есть весь Блок, — пришло к нему само собой, и этого ни анализировать нельзя, ни объяснить. С небольшим изменением ключа трагическая поза его последних лет могла бы быть выражением невыносимейшего эстетического дендизма (выделено мной — Г.К.). Она преображена только неопределенным, неосязаемым, но тем более подлинным «взрывающим ключи» личным акцентом Блока. Это не искусная власть над музыкальной стихией слова... не совершенство гармонической русской речи... — это именно неотвратимое, бесспорное, неодолимое веяние ветра из какой-то внеопытной вечности... И обвянные этим ветром звучат нам так единственно стихи, казалось бы, дешевые; или банальные; или грубые. В связи с этим довольно очевидно, что и в чисто формальном, «профессиональном» отношении Блок никак не может стать учителем. И, несмотря на огромный интерес к Блоку, ... учеников у Блока нет, и учительство у него немисливо. Блок — тема, а не учитель. ... Так или иначе пережить Блока должен каждый из нас, но путеводителем может быть не он, а только внутренний голос. Внутреннего голоса у Блока не было, все голоса были для него внешние, звучащие из чужого»²².

Здесь явное выражение особенной духовности творчества Блока. Его эстетика ярко выражала трансцендентальную духовную реальность того времени, почти убийственную и убивающую тех, кто не обрел «внутреннего голоса».

Невозможно утверждать, но есть большая вероятность того, что необращенность, «отсутствие господина» отравляло Блока²³.

Елизавете Кузьминой-Караваевой пришлось немало сил потратить, чтобы преодолеть это очарование «заколдованным» миром Блока и отделить его от самого поэта, а также отказаться от желания видеть его своим учителем. Она долго сражалась за него, сама постепенно обретая силы, но уже из другого, Трансцендентного источника.

1. «И верю, что Вы должны принять мое знание и тогда будет все иначе, потому что Вы больше человека и больше поэта...» Кузь-

мина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. — СПб.: «Искусство-СПб», 2001, стр. 637.

«... и так же твердо знаю я, что это Вам необходимо: не сейчас и не мое отношение». Там же, стр. 639.

«...Вы мне сейчас не верите или не хотите верить. ...Вы не можете не верить мне... если бы Вы не верили, то просто пришлось бы как-то внутренне исчезнуть». Там же.

2. Там же, стр. 639.

3. «...я только точка приложения силы, для Вас вошедшей в круг жизни», стр. 637. «...знаю, что это необходимо...», чтобы Ваше имя не загорело целью». Стр. 641.

«Если Вы верите, что Вы тесно связаны в моих мыслях с тем путем, который все другое уничтожает (курсив мой — Г.К.), то Вы поймете, что все это было из-за Вас». Стр. 641.

«Если я люблю Ваши стихи, если я люблю Вас, если мне хочется Вас часто видеть — то ведь это все не главное, не то, что заставляет меня верить в нашу связанность. И Вы знаете тоже, что это не связывает «навсегда». Есть другое, что почти не поддается определению, потому что обычно заменяется определимыми чувствами». Стр. 642.

4. «...тот предел, который надо одолеть, Ваша скука, оторванность, нерожденность, — это так мучительно издали чувствовать и знать, что это только Ваше, что Вам надлежит одиноко преодолеть это, потому что иначе это не будет преодоленным». Там же, стр. 645.

«Если бы Бог помог Вам родиться скорее и облегчил бы Вас». Там же, стр. 643.

5. Там же, стр. 639.

6. Там же, стр. 636.

7. Там же, стр. 647.

8. А.Н. Шустов «Искания (1914 — 1916) (глава из документального повествования о матери Марии) \ ж-л Вестник РХД №167, стр. 26.

9. «существует посвященность, которую в Вас я почувствовала в первый раз», стр. 642.

10. Там же, стр. 637. «Ведь Вы все это знаете? — то ли спрашивает, то ли утверждает она через пару строк.

11. Там же, стр. 642.

12. «Уже ничего, ничего не жаль. Даже не жаль того, что не исполнилось, обмануло. Важен только попутный ветер; а его много», — это 1916 год. Там же, стр. 649.

13. Там же, стр. 639.

14. Там же, стр. 643.

15. Там же, стр. 644.

16. Там же, стр. 645.

17. Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб, 2000, стр. 103.

18. «Я хотел бы знать, что часто, часто, почти каждый день Вы проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает». Там же, стр. 120.

19. Святополк — Мирский Д.П. Поэты и Россия. Статьи, рецензии, портреты, некрологи. Алетейя, СПб, 2002, стр. 62.

20. Там же.

21. В классическом искусстве процесс творчества есть процесс выбирания, процесс активный и процесс принципиально безнадельный — логическая стихия слова по существу не адекватна темному потоку вещей... Блок лишен активной силы классического зодчества. Но он имеет более страшную и темную силу схватывать «на лету», как говорил Фет, и вдруг закреплять и темный бред души и трав неясный запах, т.е. иррациональный процесс, протекающий в темном корне вещей... «Двенадцать» есть точная проекция в словесную стихию процесса, происходящего в ином плане бытия. Отсюда ее совершенство — и вместе с тем невнятность.

Поэма Блока, поскольку он пользуется (и с совершенным мастерством) логической стихией слова, есть фантазмагория и невнятица. Будучи адекватна существующей вещи, она не адекватна нашему пониманию... «Двенадцать» — творение пассивное и, в конце концов, не творение вовсе, а «впечатление». Некто (или некто) водил рукою Блока, и он был только инструментом, инструментом, правда, усовершенствованным им же самим заранее... Блок глубоко осознавал свою женственность, пассивность, рептивность и приписывал ее всему нашему веку — отчасти справедливо. «Современность», говорил он, «лишена не только небесного света Беатриче, но и земной мудрости язычника Вергилия». Он был золотой арфой ветров, веявших из-за грани мира. Поэтому он не может быть ни вождем, ни учителем». Там же.

22 Там же, стр. 63.

23 Там же, стр. 33.

Из неопубликованного научного материала Галины КОПТЕВОЙ

ЗАПОВЕДЬ «НЕ СУДИТЕ» БЫЛА ЛЕЙТМОТИВОМ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

13 января 2005 г. в Москве после продолжительной болезни скончался удивительный человек, протоиерей Илья Шмаин. Человек абсолютной внутренней свободы. Пастырь, религиозный мыслитель, композитор, программист, математический логик. Его невозможно определить одним словом, да и сам он ненавидел определения, считая их началом суда, — а заповедь «не судите» была лейтмотивом всей его жизни. На его похоронах было около тысячи человек. Прихожане, не шутя, называли его старцем. Но он всегда был уверен, что это не о нем.

Родился Илья Хананович Шмаин 22 мая 1930 г. в Одессе. Его родители были еврейские интеллигенты: отец — режиссер, мать — литературовед. Атмосфера детства: еврейские корни, творческий склад родителей. Но главным стала компания, которая образовалась вокруг нескольких мальчишек, волею судьбы оказавшихся в одном классе, хотя были они разных возрастов (это были послевоенные годы, люди оставались на второй год, переезжали). Главным в компании был Анатолий Бахтырев по прозвищу Кузьма, сирота, человек с явной искрой гениальности. Николай Смирнов, введший будущего отца Илью в мир музыки. Евгений Федоров, который напишет позднее известную книгу «Бунт» — про лагеря, про их компанию. Некоторые из них после лагерей так и не смогли получить высшего образования и всю жизнь проработали простыми рабочими. Это было сообщество совершенно свободных людей. Они встречались или у Кузьмы в его комнате в коммуналке, или у родителей Маши, или просто ходили по улицам и разговаривали. О политике говорили немного, о ней говорил в основном Феликс Карелин, провокатор. Были вещи поважнее, которые нужно было обсудить, те, что не лежат на поверхности, а уводят в глубину и рано или поздно приводят к христианству.

16 января 1949 года их всех, кроме лежавшего тогда в больнице Н. Смирнова, забрали. Статьи 58.10 и 58.11. Антисоветская пропаганда в группе. Все получили по 10 или 8 лет лагерей, отсидели 6. Так начался новый жизненный этап Илья Шмаина: лагерь. Он вспоминал о нем с благодарностью, хотя не раз «доходил» от голода и непосильного труда, бывал на пороге смерти, например, во время страшного лагерного бунта, весь первый год пробыл на общих работах на лесоповале. Потом работал бондарем, столяром, стрелочником, выучился играть на контрабасе и начал писать музыку. Приобрел одну полюбившуюся ему профессию — фельдшера. Встретил настоящих священников, монахов, подвижников, тех, что сидели и умирали за Христа. Мысль о крещении уже приходила ему в голову.

По выходе из лагеря (октябрь 1954 г.) Илья с трудом восстановился на мехмате МГУ, куда поступил еще до ареста. Учился заочно, работал рабочим на заводе. Окончив мехмат, работал в институте научно-технической информации сначала лаборантом, затем младшим научным сотрудником. Занимался программированием, как математический логик участвовал в создании первого в России языка программирования. И продолжал искать единственную жемчужину. Христианство уже стало чем-то неоспоримым. Мешало еврейство, кровь и плоть, и еще страх потерять свободу, и нежелание «примкнуть к организации». Сразу после выхода из лагеря Илья женился. Маша пришла в Церковь еще в сталинское время и благодаря ей опытно и не в меньшей мере благодаря Пастернаку (особенно «Доктору Живаго») идейно он постиг, как можно жить в Церкви свободой. В Великий Четверг 1963 г. Илья Шмаин крестился.

Вокруг него, как и всю его жизнь, начали собираться люди, которые вместе с ним или вслед за ним стали искать те формы, в которые могла бы вылиться их ответственность за Церковь. Они долго искали свой храм. И, обойдя всю Москву, вернулись туда, откуда начали, — в храм Ильи Обыденного, к отцу Владимиру Смирнову, ставшему их духовником. Так начался путь к священству. Отец Владимир поощрял эту мысль, говорил: «Я хочу, чтобы все вы были священниками», советовал собираться вместе, читать Евангелие, о С.Булгакова, Н.О. Лосского. Укрепил это решение владыка Антоний (Сурожский), встречи с которым у себя на дому устраивал отец Николай Ведерников, настоятель храма Иоанна Предтечи в Ивановском. Именно в его храме будущий отец Илья пел на клиросе и служил псаломщиком. Между тем у семьи Шмаиных обострились отношения с советской властью. Илья Хананович был вынужден уехать. В 1975 г. семья эмигрировала в Израиль. На их прощаниях было около трехсот человек, по большей части, люди воцерковленные.

Вместе с эмигрантской горечью принесла эмиграция, хотя и не сразу, столь желанное священство. На Благовещение 1980 г., в 50 лет, после 15 лет стремлений, попыток и тщательной подготовки, отец Илья был рукоположен — в Париже, в Западноевропейской Архиепископии, архиепископом Георгием Тарасовым. После рукоположения, прослужив полгода в Покровском женском монастыре в Бюсси и закончив экстерном Свято-Сергиевский богословский институт, он вернулся в Израиль, где был сержантом запаса и сотрудником компьютерного института в Иерусалиме. Он был зачислен в клир Святогробского братства, греческого монашеского ордена, в котором до него никогда не было ни одного еврея, израильского гражданина или представителя белого духовенства, а теперь было все это в одном лице. Так началось израильское служение отца Илья. Воскресенье в Израиле — рабочий день, поэтому в ночь с субботы на воскресенье на службе бывают лишь монахи и паломники. Стало ясно, что для израильтян нужно служить в субботу. Помог иеромонах Тимофей, давший ключи от маленького храма Св. Екатерины в старом городе. С воскресенья по пятницу отец Илья работал, в субботу в 5 утра служил литургию на славянском языке в храме Св. Екатерины для небольшой кучки выходцев из России и тех, кто вслед за ними тянулся в Церковь, в ночь с субботы на воскресенье служил на Гробе Господнем, а затем снова шел на работу. В храм Гроба Господня надо идти через арабский квартал Старого Города, где человека еврейской наружности ночью легко могли убить. Он шел пешком, у стен Старого Города переодевался в рясу. Он много крестил, по большей части тайно, потому что люди боялись, а давление

эмигрантского общества в Израиле на маленькую общину было колоссальным. Жертвой такого давления стали и близкие отца Илья: распалась семья его дочери Тани, психически заболевшей после этого. Стало понятно, что созидать общину ценой жизни ее членов невозможно. В 1983 г. отец Илья переехал во Францию. Переезжая, он оставил в Израиле все свои вещи, — начиная с квартиры и кончая кепкой. Такие мелочи просто не укладывались у него в голове.

Во Франции он служил сначала в храме Всемилоштивейшего Спаса в Анжере под Парижем, затем в Успенском храме на Сен-Женевьев-дю-Буа — знаменитом эмигрантском кладбище. Прихожане его любили. Однако иногда сказывалась разница между российским и эмигрантским представлениями о священнослужении. Отец Илья с первых дней своего священства и до конца жил богослужением, старался служить ежедневно, максимально полно, с благоговейной неторопливостью

тью и не опуская проповеди. А прихожане порой стремились свести службу к получению Св. Даров или красочному национальному обычаю, хотели, чтобы он побыстрее заканчивал, не проповедовал, исповедовал пореже. Как-то на приходском совете ему сказали: «Вы должны следовать пожеланиям людей, дающих вам счастье служить». Он отвечал: «Я слуга прихода, но не лакей». А жизнь была нищенская, — все священнослужители во Франции работают где-то еще, он же, не имея гражданства, устроиться на работу не мог. Но главное, никогда не покидала тоска по России. Наконец, в июне 1997 г. он смог получить разрешение о переходе в юрисдикцию Московского патриархата и вернуться.

В Москве отец Илья был направлен в храм свв. апп. Петра и Павла на Яузе, где служил до последних дней. Здоровье его было подорвано. В сентябре 1997 г. после трагической гибели дочери Тани с ним случился инфаркт, затем астма, зачатлась лимфосаркома. В этом храме здоровым его уже не видели. Но именно здесь он чувствовал себя на своем месте. Это была та христианская Россия, о которой он тосковал, — и старушки, и дети, и молодежь, и простые люди, и интеллигенты, и Преображенское братство, и какие-то люди, придерживающиеся охранительных взглядов, все вместе, все рядом. Он нашел ту семью, которая была его великой надеждой и утешением. Здесь и в храме Воскресения Христова в Тарусе, где он служил летом. Именно этим людям в проповедях он излагал тезисы своей богословской онтологии твари, сохранившейся в разрозненных записях (он хотел построить богословскую систему, выраженную языком математической логики). И простые старушки вставали со скамеек, чтобы услышать о том, для чего мы все вместе собрались здесь, в настоящий мо-

мент, — деревья, люди, элементы воздуха. Наша жизнь — это хвала Творцу. Даже если мы погибам, факт, что твари вместе в этот момент — это совместная хвала Творцу. Искренность, правда и философская глубина его проповедей заставляли слушателей не просто задуматься о своих грехах, но вслед за ним проникнуть выше, туда, куда человек сам попасть не может.

Это было его характерной особенностью: острое чувство живой традиции, не сводимой ни к примитивному модернизму, ни к идолопоклонническому отношению к старине. Чувство единства Церкви, непримиримость к любым разделениям, разъедающим Тело Христова. Боль о будущем России стала частью его болезни, — «смерть, которая поселится внутри, не твоя смерть», как он выразился о раке, отчасти было состоянием Русской Церкви, погрязшей в мирских заботах, забывающей, что мы одно. Отец Илья, например, искренне восхитился отцом Георгием Кочетковым (в одном из разговоров он сравнил его с апостолом Павлом) и созданным им братством, но среди его личных друзей были и люди «другого лагеря», их гонители. Он ощущал второстепенность любых убеждений (хотя и мог отстаивать свои убеждения в горячих спорах) и мог отодвинуть все ради личных отношений. В каждом прихожане или просто случайно встреченном в метро человеке он видел живую личность, к которой чувствовал жгучий интерес. Это давало огромные миссионерские результаты. Он мог вступить в общение с детьми на детской площадке, или, во время купания в Тарусе, с подплывшими к нему подвыпившими молодыми людьми (с ними он беседовал в воде три часа, после чего слез с простудой). Или с бомжом, регулярно в пьяном виде подходившим под благословение (в какой-то момент отец Илья ему сказал: «Я тебя чуть-чуть благословлю, целиком такого пьяного не могу»). Или с людьми, лежавшими в больнице, где он умирал (они стали его последней пасторой). Как священник он отличался полным отсутствием преграды между ним и другими людьми. Это было самой поразительной особенностью: он был совершенно такой же, как прихожане. Никому не приходило в голову подумать, что у него нет слабостей, что ему не хочется, например, мороженого в пост. Но при этом он во всем был священник. Однажды к нему на исповедь пришла женщина. Уже отпустив ей грехи, он долго-долго с ней разговаривал, потом вдруг (а это были уже последние годы болезни, когда он исповедовал сидя, не мог даже стоять), встал перед ней на колени. Она с плачем выбежала вон. Оказывается, она ждала второго ребенка, и неверующий муж принуждал ее сделать аборт, угрожая разводом. Не делать этого он и просил ее на колени. Через некоторое время она родила сына, а муж крестился и стал прихожанином. Очевидно, такое страстное сострадание действовало как-то и на него. И на многих других, кто пришел в Церковь через отца Илью.

Всю жизнь вокруг отца Илья собирались люди. Называлось это по-разному: компания, подпольный семинар, приход. Но с тех пор, как они нашли Христа, за этим стояло всегда одно, и в 70-е годы они нашли для этого слово: община. Это значило, что есть круг людей, отношения в котором глубоко, онтологически иные, чем вне его, в них невозможно соперничество, нет места даже для авторства идей, они важнее всего, не только карьеры или благополучия, но даже таких инстинктивно нужных человеку вещей, как здоровье, безопасность семьи или возможность закрыть дверь. И круг этот открыт. Он открыт и поныне.

Анна ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА
и Наталия ЛИКВИНЦЕВА

В ТОМСКЕ ЕГО НАЗЫВАЛИ ПРАВЕДНИКОМ

О жизненном пути известного ученого и правозащитника Вильгельма Фаста вспоминает его брат прот. Геннадий Фаст

В небольшую комнатку с копировальной техникой на первом этаже высотного дома вошёл пожилой человек. По всему он вступал в пору своей старости. Выглядывающая из-под зимней шапки большая копна седых белых волос и еще более внушительная белая борода, ниспадающая на грудь вошедшего, обращали на себя внимание. Ему требовалась копия документа. В тот день он получил группу инвалидности, а значит, мог рассчитывать на какие-то льготы. Вдруг он осел, ноги его уже не держали, ему было плохо, он был еще в сознании. Взгляд, сочетавший в себе доброту с некоторой пытливостью и мудростью, приостановился. Вызвали скорую. Увели — ещё был в сознании. Было это днём. К вечеру его не стало.

Ещё одна жизнь утасла... Ещё одна струна оборвалась.

Начало пути

Вилли родился в менонитской семье, а менониты ещё с XVI века земледельцы, все, сколько их ни было. В 1580-х годах они бежали от инквизиции, от судов и костров из Голландии в Восточную Пруссию. Будучи пацифистами (пацифизм — полный отказ от оружия и участия в войне) и отказавшись от участия в государственной деятельности, они накрепко укоренились в земле, живя общинно в своих колониях. Потом они переселились в Россию, а жили всё так же. Времена и страны мало что меняли в их жизни. Неграмотных у них уже несколько веков как ни одного, хотя вокруг их — множество. Земля и ремесло — в этом они были крепки и в вере. А ученых, занимавшихся научными исследованиями, среди них, кажется, никогда и не было, кроме историков, занимавшихся собственной историей. Не было ученых и в роду у Вилли. Хотя были учителя сельской школы, проповедники и регенты. Но математиков, астрономов — никого! И как в 1961 году человек вырвался впервые в космос, так Вильгельм был первым из тысяч российских менонитов, кто вырвался в науку.

За родным селом был вдалеке бугор, холм. Где-то там за ним был центр земли. Так думал маленький мальчик Вилли. И однажды он всё-таки убежал из дома, хотя ребенок был послушный, туда за бугор, за дальний холм посмотреть на центр земли. Его, конечно, вернули на место. Но вызов сделан. Он будет заниматься естественным, будет изучать мир окружающей его природы, причем именно в планетарном её облике. Он будет астрономом.

Жить не по лжи

Почему-то Вильгельма в Томске нередко праведником называли, как-то не специально. А ещё — борцом за справедливость. Над гробом батюшка даже рыцарем справедливости назвал. Почти официально он числился в советские годы диссидентом, потом правозащитником. Была в его жизни политика, общественная деятельность. И репрессированным был, а потом — чиновником областной администрации. Служивший, как жрец, науке, он стал служить и людям.

Да мало ли общественно и политически активных людей? Ну, конечно же, нет. Но тут была одна изюминка, или две. В советские годы правдой и истиной было не то, что правда и истина, а то, что партия сказала. Правду же говорить открыто никто не решался, а кто решался — ату его! Так вот тогда один из немногих, кто мог говорить правду, Александр Исаевич Солженицын советовал: «Если не можешь говорить правду, так не участвуй во лжи».

Это программа-минимум такая — жить не по лжи. Вильгельм был из тех, кто жил не по лжи. Не всегда, не везде он мог говорить правду, но всегда и везде — не лгал. Но правду и истину часто любят люди скандальные. И чем пуще скандал за правду, тем круче, тем интереснее. Это когда забывают, что у правды один корень с праведностью. Правдолюбцев митингующих много, праведников мало. Вильгельм скан-

Фото о. Александра Классена
Вильгельм Генрихович Фаст и его жена Нина Поликарповна

далить не умел, кричать о правде не любил. Он был человеком мирным, где-то даже тихим, и его правда была из источника праведности. Я помню, как юношей в те годы чуть ли не первый раз живых диссидентов увидел, мне они тогда казались героями былинными, ведь против самой советской власти говорят! И — шок! Я увидел их такими же людьми, как и те, с кем они боролись. Сказка кончилась. В отношении греха и праведности я разницу не увидел. Только политическая база была другая — одни за режим, или в режиме, а другие — против, не вписались в него. Послушаешь, — правду говорят, посмотришь, — а праведности у самих нет?! Все запуталось. И особенно к диссидентствующим больше не тянуло.

И там, и там одни и те же внутренние и внешние по жизни грехи. У Вильгельма же интерес к правде и участие в диссидентском движении были не целью. Он просто не мог их обойти. Этого требовала праведность и жизнь по правде, а не по лжи.

Была и другая изюминка. Он любил людей, был очень сердечным. Любил и хотел помочь. И помогал.

Вильгельм не вписался в систему, а началось все с детства. Папа арестован, десять лет лагерей, вечная ссылка в Сибирь. Опа (дедушка) арестован, умер в лагере. Дядя Яша в лагерях. Дядя Абрам расстрелян. Это Вилли узнает через сорок с лишним лет, а тогда — взяли и не вернулись. Мама, вся семья, все менониты, все немцы сосланы. Теперь они фрицы и фашисты.

Репрессированы были все. Когда потом, в шестидесятых, семидесятых встречались старики, то не спрашивали друг друга:

— Не коснулись ли тебя репрессии?

А просто сразу:

— Где сидел? Сколько? Как все было? Где сейчас тот или иной?

На этом фоне прошло виллино детство и юность. Нет, не на фоне — он во всё это был включен сам.

1960-е. Оттепель. Солженицын. Сахаров. Диссиденты.

Все это проходит через виллину жизнь. Сначала радость — издали «Один день Ивана Денисовича». Вилли привез эту повесть в Усть-Каменогорск, где тогда жили его родители. Он с радостью сообщил, что Солженицын дали государственную премию. Дядя Яша, прочитав, сказал:

— Нет, тут вполне хватает на Нобелевскую.

Пришла потом и Нобелевская.

А потом — Брежнев. Оттепель закончилась. Общество запрессовано крепко и надолго. У Вильгельма много друзей в диссидентских кругах Москвы и Томска. Огромное количество самиздатской литературы проходит через него. Он её читает,

хранит, распространяет. Это было в те времена криминалом. В те годы Вильгельм не выступал открыто, но он открыто не лгал, не жил по лжи, не участвовал в коммунистическом просвещении студентов, что должен был делать каждый преподаватель, а потому в системе был не свой.

В 1972 году был арестован в Москве друг Вильгельма астрофизик Кронид Любарский за диссидентскую деятельность. Отсидел пять лет. Все эти годы, да и поныне, портрет Крониды открыто стоял у Вильгельма в зале. Вильгельм поддерживал добрые отношения с семьей Любарских. На такое в те времена решался редко кто.

Вильгельм в 70-х годах читает массу самиздатской литературы и официальных газет и журналов. Из каждой газеты найдет, что вырезать. Вырезок этих — сначала кипы, потом — ящики. Нина ругается:

— Совсем науку забросил, всё сидишь со своими газетами.

Наверное, он и сам это понимал, хотя долго признаться себе не хотел. Вода находит русло, а его внутренний человек находил себе выход. Это даже помимо сознания и волевых решений происходило. Но Вилли был упрям. Свернуть его было невозможно.

Сколько веревке ни виться, однако ведь и кончится. Такое положение не могло быть бесконечным.

Три случая правды

Вильгельм вроде так ничего и не сделал против советской власти. Но он трижды не солгал. Он трижды поступил не по лжи, поступил праведно. А это — криминал! Не по лжи, да ещё праведно — так нельзя! Так партия тогда думала.

Случай первый.

Самиздатская литература не могла не попасть в руки компетентные, то есть в руки КГБ. В 1981 году арестованы два друга Вильгельма — А.Ф.Ковалевский (физик, космодранец, диссидент) и А.А.Чернышёв. У них изъята литература. Вилли успел всё прибрать, да и с обыском к нему не пришли. Но по делу следствия Вильгельм пошел. Допросы. И требуется-то немного. Надо осудить антисоветский поступок своих друзей и впредь заводить их осмозрительней, то есть дружить с людьми проверенными, советскими. Ну, желательна и на кого-нибудь донести, то есть следствию помочь.

Так вот все это ни разу, никак Вильгельм не сделал. Друзей не осудил, ни от кого не отрекся, следствию не помог.

Следователь предупредил:

— На двух стульях Вам сидеть не дадим.

Это имелось в виду — на преподавательском и на диссидентском.

Случай второй.

Ещё в 1978 году из Томского университета с кафедры теоретической физики

за веру в Бога изгнали младшего брата Вильгельма — Генриха, теперь уже диакона Геннадия, служившего в г. Анжеро-Судженске.

И вот теперь парторг из ТГУ предлагает Вильгельму прочитать атеистическую лекцию. Сам Вильгельм был тогда ещё в своих внутренних исканиях и верующим не был. Не был он нигде крещенным. Вильгельм отказывается от чтения такой лекции, мотивируя, что и так общественно активен и читает много популярных лекций для населения. Но парторг неумолим — надо атеистическую. Вильгельм отговаривается:

— У меня все родственники верующие, Вы таким образом настроите их против меня.

Парторг мудрый, он предлагает сделать лекцию закрытой. Никто из родственников не узнает. Грубо говоря, ему все равно — хоть в пустой комнате скажи, что Бога нет — и хватит. На это Вильгельм ответил:

— Это я не могу сделать по совести.

— Ах, по совести! — парторгу всё ясно. Да ещё компетентные люди его спросили:

— А как Вы относитесь к своему брату священнослужителю?

Он ответил просто:

— По-братски.

Это им тоже не понравилось. Не так должны рассуждать советские преподаватели.

И был третий случай, маленький.

Вильгельм на выборах всегда голосовал «против». Это было то ничего, что он мог сделать по совести на выборах без выборов. А в тот, 1982 год, в день выборов он оказался в гостях у брата, и вовсе не пошел на это праздничное мероприятие, где колбасы и сладости дефицитные давали. Это не прошло мимо внимания компетентных лиц, взяли на заметку.

Дворник-доцент

Настал суд над друзьями. Ковалевского и Чернышёва лишили свободы. Было частное определение суда и по Вильгельму. Суд решил, что преподаватель, не осудивший антисоветские деяния друзей, не прочитавший атеистическую лекцию, да и ничего не сделавший для вразумления верующего брата, легкомысленно, несознательно проигнорировавший выборы сплоченного вокруг партии народа, поступает аморально и воспитывать в коммунистическом духе молодое поколение не может. Ну, а раз так, то подлежит увольнению.

Сначала, правда, хотели все это сделать пообидней и не скандально — определить Вильгельма профессионально несоответствующим занимаемой должности. Комиссия была. Определила — лекции читаются на высоком научном и педагогическом уровне. Но, раз не дурак, значит — хехорший, не по той морали.

Вильгельм уволен из ТГУ.

После этого были курсы и работа в пчеловодстве.

Через год уволен по сокращению штатов.

После этого — дворник. Во дворе дома, где жил. Дом девятиэтажный, раскинулся на несколько флигелей, университетский. Утром коллеги преподаватели спешат на работу, двор убран бывшим доцентом. Дети ему помогали. Так было шесть лет.

В большой широкой бороде проседь уже. Говорит Вильгельм давно обо всем открыто. Официальной аудитории у него нет. Но сам он, как голос совести старинного города Томска. Голос совести одного из городов дряхлеющего и окончательно изолгавшегося и запутавшегося в неправде своей СССР. Имя его теперь широко известно. Круг общения с людьми широкий.

Защитник обезоленных

А потом — новое время.

В стране — гласность. Говорить правду стало возможно. И тут заговорили. Началась перестройка. И впервые свободные демократические выборы.

Вильгельм в 1989 году реабилитирован,

хотя и без суда, восстановлен доцентом в университете, с абсолютным перевесом побеждает на выборах в депутаты областного совета.

Для Вильгельма началась новая жизнь. Лекции в ТГУ по небольшой нагрузке — это дань его первой любви, математике. Он всегда оставался в душе математиком и был им. Это было нужно ему. Но сердце, мысли, время и дела были теперь отданы другому — общественному труду, а лучше сказать — служению. Когда в 1993 году в Москве расстреляли Белый дом, а депутатский корпус распустили, Вильгельм перестал быть депутатом Облсовета, но остался в областной администрации, которую в Томске тоже называли Белым домом. Он стал чиновником по реабилитации, защите и помощи репрессированным. Подпольное диссидентство сменилось бурной деятельностью теперь уже государственного правозащитника. Побеждая страшную болезнь, лишившись здоровья и нормальных человеческих сил для его возраста, когда вес его едва превышал пятьдесят килограммов при росте 175 см, Вильгельм в полной мере раскрывается в своей любви к людям. Его дом — это бесконечный поток людей, которых обогревала любовь Вильгельма с Ниной, его неизменной помощницей во всех делах.

В страну вернулся А.И.Солженицын. Фасты принимают его в Томске, когда он проезжал из Владивостока в Москву. С тех пор Вилли — друг великому писателю, читателем и почитателем которого он был уже более тридцати лет, труды которого он распространял во времена идеологического тоталитаризма. Теперь Вильгельм с Ниной распоряжаются Томским филиалом Фонда Солженицына, помогая страждущим и репрессированным.

Со времен перестройки Вильгельм — активный участник и сопредседатель Томского отделения общества «Мемориал». Жена Нина и сын-священник Михаил раскрывают колоссальный материал по репрессиям в Томской области. Издана книга «Нарымская голгофа», а отец Михаил, сын Вильгельма, защищает по этому материалу кандидатскую диссертацию в Московской Духовной Академии. Как и раньше, так и всегда — вся семья живет одним делом. А первым разоблачением преступной власти было, когда ещё в 1979 году Вильгельм и Нина раскрыли людям тайну Колпашевского яра. В Колпашево, на севере Томской области, в 1979 году было большое наводнение. Размыло яр и поплыли по горю человеческие косточки. Возглавлял тогда обком партии ставший в последствии вторым человеком в государстве Е.К.Лигачёв. Подогнали технику. С косточками не сразу, но кое-как справились, людей успокаивать стали. А Вильгельм и Нина открыли всем правду. Правда была проста — это были останки расстрелянных при Сталине.

Вконец обесиленный болезнью, шестидесятилетний Вильгельм был уволен из областной администрации в 2004 году. Закончилось время бурной деятельности, когда он помогал людям. Больше он уже не мог.

Его путь к Богу и в Церковь

Наука. Политика.

А где была душа Вильгельма? Какими путями шла-пробивалась она в этой жизни? Какова была его вера?

Сначала была вера матери.

Вильгельм — дитя родительских молитв. Первые молитвы, первые слова о Боге он слышал и воспринимал дома. *Liebe Heiland mach mich fromm, das ich in den Himmel komm*, — лепетали его детские уста, ручки сложены у груди (*gefaltet*). А потом?

Закружилось, завертело, разбросало.

Казахстан. Без отца, без матери. Атеистическое общество, бодро строившее безрелигиозное светлое будущее человечества. Стремительно развивающаяся наука, раскрывающая тайну за тайной в природе. Как утренний туман рассеиваются религиозные предрассудки, цепляющиеся ещё только за неразумие малолетних. Высоко восходит солнце науки, наступает день торжества человеческого знания. Все в этом мире управляется неизменными законами природы. Только их незнание может питать религиозную веру.

Уже к старшим классам у Вильгельма вполне формируется научное мышление, рассеявшее начатки материнской веры. Комсомол. А потом университет. К верующим у Вильгельма прекрасное отношение. Он видит и признает их нравственную силу. Он видит их преследование со стороны государства, и тут он целиком на их стороне. Но их вера — это их пережиток. Наука открывает перед людьми новые горизонты.

Вильгельм — фактически атеист. Родители о нём молятся, мама плачет. Однажды мама со скорбью говорит ему:

— Как я хочу, чтобы ты познал истину.

Вильгельм тихо и твердо отвечает ей:

— Я познал истину.

Его истина была в научном познании мира. А ещё — в праведности, которая не оставляла его.

Растут младшие братья. Они с родителями. Растут в вере. Папа запрещает Вилли говорить братьям о своих убеждениях, что Бога нет. Вильгельм не нарушает запрет отца, никогда не заводит с ними на эту тему разговор. При этом он спокоен, он видит, как они тоже с детства увлекаются наукой, в особенности математикой, физикой, историей, и уверен, что подрастут и скоро сами разберутся, поймут. Он мечтает, что когда они вырастут, то вместе займутся чем-то в науке и выйдет статья авторов: Фаст, Фаст, Фаст.

Если папа с мамой при Вилли начинали молиться, он выходил из комнаты. Триста шестьдесят пять раз в году и каждый год, лет сорок, папа с мамой молились об уверовании Вилли. Потом ежедневно это стали делать и младшие братья. Проходишь, бывало, мимо родительской комнаты, дверь её занавешена, только слышен тихий молитвенный плач — об уверовании сына молился мама.

Шли годы. Подрастали братья — они уже студенты, один изучает информационно-вычислительную технику (кибернетику), другой — физику теоретическую, а веру они не потеряли, наоборот, сами уверовали и были активны в своей вере, начали служить Богу в проповеди и молодежном христианском движении.

Среди друзей Вильгельма тоже, оказывается, были верующие. Братья Флоренские в Москве, сыновья знаменитого ученого математика, физика, богослова, отца Павла Флоренского, репрессированного за веру.

Оказывается, верующий православный и А.И.Солженицын, но неверующий академик Сахаров. Всё не так просто...

Из Усть-Каменогорска, Караганды Вильгельму давали книги таких авторов, как Бетекс, Рогозин и других о вере и науке. Апологеты веры убеждали его скорее в обратном, их аргументы были либо устаревшими, либо несерьезными. Не воспринимался пропагандистский религиозный пыл вместо научной аргументации. Не воспринимались книги против эволюции — Вильгельм принимал учение об эволюции в природе, особенно в астрофизике.

В Караганде за веру выгнали из университета младшего брата. Вильгельм открыто заступает за него в деканате КарГУ, а потом помогает ему восстановиться в ТГУ. Теперь два года два брата в одной комнате. Это не осталось бесследным для души Вильгельма в отношении к вере, ведь брат его сколько в университете, столько и в духовных делах. Шокирующим было принятие православия младшим братом менонитом, трудившимся в проповеди Слова Божия. Такого в его роду ещё не было. Атеизм всё более расшатывался в Вильгельме. Всей душой он уже давно с верующими.

— Но только где взять веру в Бога? Не могу же я лечь спать неверующим, а проснуться верующим, — сказал он однажды.

А тут ещё жена туда же. Она из кержаков, у неё все проще, по-народному. Тоже была неверующая. Но крещеная с детства и в храме всегда себя чужой не считала. А потом взяла, да в 1982 году и всех детей крестила. Вот он и один в семье некрещеный остался.

В том же 1982 году попала в руки Вильгельма книга «Истоки религии» прот. Александра Меня, только имя это тогда не знали, автор был под псевдонимом Э. Светлов. Глубоко верующий автор-священник придерживался взглядов теистической эволюции. Критики эволюции правы в том, что сама по себе она происходит не может, но эволюция есть,

а значит, имеется её источник и причина. Этот источник и есть Бог! И многое другое. Впервые наука и вера в Вильгельме вместе разместились, больше они друг другу не противоречат. Ну, это-то ладно, пусть не противоречат. Но это только лишь концепция, теория, а где веру взять? Ведь не скажешь себе — теперь я верю.

Время идет. События одно за другим. Доцент уже дворник.

А ещё в 1988 году съездил Вильгельм с младшей дочкой Анной в Германию, родных посетил, впервые за пределами СССР побывал. Там довелось им посетить институт креационных исследований доктора Шевена. Это его поразило. Теперь он убедился, что не только теистическая эволюция, но и буквальный, по Библии, креационизм тоже вполне может быть научным! Аня с тех пор креационистка убежденная, университет (ТГУ) потом закончит по биологии и на эту тему дипломную работу напишет. Оказывается мамина, без всяких университетов, вера вполне согласна с лучшими университетами Европы...

Вилли не стал тогда сразу же креационистом. Но что креационизм может быть наукой, это он теперь знал.

А молитва об уверовании Вильгельма не прекращалась.

Сам Вильгельм неверующим себя уже не считал. Он стал молиться. С трудом складывались слова в молитву, но он это делал. Родители не постеснялись за сыновьями. Для них всегда всё было ясно — вот неверующий, а вот — верующий. А каков их сын? Они были несколько обескуражены. На золотой свадьбе (1985 год) папа спросил:

— Молитесь ли вы?

О вере-неверии было уже как-то неудобно спрашивать изгнанного за отказ от прочтения атеистической лекции доцента, а ныне дворника. Вилли успокоительно ответил папе:

— Мы все молимся!

Кажется, ему самому было приятно, что он мог так ответить.

В дружном семействе Вильгельма, определять, первыми вышли к вере, к Богу его дети — Лена, Миша, Аня. За ними и Нина. Все они уже ходят в храм, молятся, исповедуются, причащаются. Нина даже ворчит иногда, сколько же ещё невенчанными жить будем, грех-то ведь. А Вилли слушает и смотрит на всё это.

И вдруг внезапно болезнь.

Ещё зимой Вилли говорил брату, жаловавшемуся на болезнь желудка, что у него желудок никогда не болел, а ведь ему уже 53 года.

А в апреле у Вильгельма операция — ему полностью удаляют желудок, да ещё и поджелудочную прихватили. Чудом выжил. Но до операции никто не знал — выживет ли? Гарантий никакой.

И вот тут на пути духовных исканий Вильгельма точку ставит Нина, жена его. Рассуждает она конкретно, по-кержацки, просто:

— Вдруг умрешь, как хоронить будем?

По-безбожному не годится. Батюшку не пригласишь — некрещеный. Приглашать проповедников-баптистов, чтобы у гроба говорили, что кто без Бога умер, тот осуждён будет, и дальше про ад и утраченный шанс в жизни! — это на похоронах не выдержишь, не надо. Итак, крестись!

— Так как же в православии-то, а вера отцов? — пытается ещё защититься Вилли.

— А как насчет веры отцов у твоих детей? — парирует Нина, — они православные, у них тоже должна быть вера отца.

Вилли сдался. Накануне операции в Петропавловском Соборе прот. Олег Безруков крестил Вильгельма. Крестил с сохранением имени Вильгельм, которого в святцах Русской Православной Церкви нет. Так благословил настоятель собора отец Леонид Хараим.

Итак, Вильгельм — православный христианин. Долгий путь к Богу завершился у святой купели — вера и Спаситель обретен!

Потом операция. Выжил.

Началась христианская жизнь

Вильгельму не хватало внутреннего религиозного опыта — рождение свыше, крещение Духом Святым, сакральная жизнь веры постигались его душой с тру-

дом. Вильгельму трудно было нагонять упущенные полвека. Вперед шли дети. Не без труда произносил он молитвы своими словами, не без труда осваивал множество уставных молитв. Сказывался возраст, когда трудно начинать что-то сначала.

Но было честное и открытое сердце. Как у тончайшего барометра, чутко реагировала на всё совесть. Никогда не оставляло чувство правды и любви к ближним.

Как свойственно математику, четко исполнялись им все предписания веры и церкви, только совершенно подорванное здоровье не позволяло блюсти всю строгость постов, столь многочисленных в церкви.

Вильгельм — регулярный прихожанин, внимательно участвующий в церковных богослужениях, часто с книжечкой в руках. Вильгельм живо интересуется и живёт приходской и епархиальной жизнью.

В столовой областной администрации один среди многих никогда не стыдится перекреститься перед едой. Никогда не стыдится сделать это и среди своих менонитских родственников.

Православному христианину Вильгельму очень близко менонитство. И тут всё у него естественно сочетается. Доброе у одних прилагается к доброму у других, а худое и истинное нигде не принимается.

В православии Вильгельм никогда не стыдится своего менонитства, своего «неправославного» имени. Для Вильгельма существует хорошо или плохо, а не ваше и наше; не то, что безопасно в системе и от чего лучше воздержаться, чтобы жить спокойно, а то, что праведно.

И очередная буря не пронеслась мимо. Странное и не вписывающееся в нормальные рамки поведение первого архиерея новооткрытой епархии вызвало шквал нестроений. Вильгельм мужественно противостоял бесчинству. Дело дошло до синода. Архиепископ готовил отлучение на Вильгельма. И подписи уже были. Однако произошло иначе. Источник бесчинства был устранён синодом и жизнь епархии постепенно вошла в своё естественное русло. Не думал и не гадал Вильгельм, что и такую брань выстоять придется.

Буря улеглась. Благочестивый епископ свидетельствует в старинном Томске. Но не без потерь была эта брань. Не без потерь для дел церковных, для взаимоотношения людей и для здоровья тоже. Последнее угасало стремительно.

***

Пока верующие, пока папа с мамой молились о неверующем сыне, среди неверующих его всё чаще называли праведником. На фоне той жизни, которая стала общепринятой, на фоне пьянства и курения, сквернословия и нравственного легкомыслия, на фоне распавшейся в обществе семьи, разводов и легкого поведения, на фоне трусости и неверности выживания ради, на фоне всюду проникающей двойной морали Вильгельм стоял, как крепкое дерево, как древний библейский праведник.

У Вильгельма были проблемы с верой, но в нарушении заповедей — никогда! В каких грехах могли бы его укорить верующие?

Да этих укоров и не было.

***

Морозный зимний день. Солнце приветливо освещает южный склон горы. На нём ещё один деревянный крест. Куда-то в воздух унеслись слова молитвы священника, когда-то крестившего Вильгельма. Ещё подрагивают плечи Нины. Ближе друг к другу теснятся вокруг креста родные Вильгельму люди.

Внимание малых детей рассеивается. Все они не раз облаканы своим опой, но им уже интересно другое — а что там за горой? Когда-то маленький мальчик Вилли убежал за свою гору искать свой центр земли, а теперь уже эти малыши побегут искать свой центр земли. Побегут дорогой длиною в жизнь.

***

Из Москвы пришла правительственная телеграмма. Депутат Государственной Думы выразил участие в скорби родных Вильгельма и написал:

— Я учился у Вильгельма любить людей.

Прот. Геннадий ФАСТ
7 марта, 2005 г., Енисейск

АМЕРИКАНКЕ ЗАПРЕТИЛИ
ЧИТАТЬ БИБЛИЮ

Жительнице штата Филадельфия запретили читать Библию своему сыну и его одноклассникам, несмотря на то, что это любимая книга ее ребенка. Возмущенная мать обратилась в суд, добившись возбуждения дела против школьного округа. Она утверждает, что дирекция школы своими действиями нарушила ее право на выражение своих религиозных убеждений.

Донна Буш была приглашена вместе с другими родителями в начальный класс к своему сыну. Родителям предложили почитать отрывок из любимой книги их детей, на что женщина сказала, что любимое произведение ее сына Уизли — Библия, и хотела начать ее чтение. Однако учительница сказала, что на это нужно получить разрешение у директора, после совещания с которым в чтении Библии было отказано.

НАПЕЧАТАННУЮ В
МАЛАЙЗИИ БИБЛИЮ
СНАБДЯТ СПЕЦИАЛЬНОЙ
НАДПИСЬЮ "НЕ ДЛЯ
МУСУЛЬМАНИ!"

Специальной надписью "Не для мусульман!" будет снабжена Библия, которую собираются напечатать в Малайзии. Премьер-министр страны Абдулла Ахмад Бадави сообщил, что не возражает против выпуска Священного писания на малайзийском языке, но только с таким специальным уведомлением на обложке. "Я не стану запрещать публикацию Библии, но продавать ее будет разрешено только христианам", — уточнил глава правительства.

Как сообщает газета "Сан", Бадави снял действовавший в Малайзии запрет на издание Библии после беседы с иерархами местной Католической Церкви. Правительство уже выступило с законодательной инициативой о пересмотре закона, который до сих пор исключал возможность публикации Библии на малайзийском и индонезийском языках.

Среди 26 миллионов жителей Малайзии только 8 процентов исповедуют Христианство. Главным образом, это выходцы из Китая и Индии. ИТАР-ТАСС

ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ
ВОЛНЫ РЕЗКО УВЕЛИЧИЛА
КОЛИЧЕСТВО ТАЙНЫХ
ХРИСТИАН В ИЗРАИЛЕ

Хотя, согласно данным официальной статистики, число христиан в Израиле постоянно уменьшается, на самом деле, по данным агентства ЕАИ, существует большое количество тайных христиан среди евреев, прибывших в 1989-1993 годах из России и Украины.

Так, проведенные среди 86 тысяч новых эмигрантов в 1999 году исследования продемонстрировали, что приблизительно 53% из них в соответствии с иудейским правом не могут быть признаны евреями. На основе имеющихся данных предполагается, что в Израиль с последней эмиграционной волной прибыло около 400 тысяч "незарегистрированных христиан".

Сейчас власти страны пытаются закрыть двери перед такими эмигрантами, на что христианские общины отвечают резкой активизацией евангелизационной кампании. Так, Римско-католическая Церковь направила в эту страну десяток новых священников, владеющих украинским и русским языками.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВСЕМИРНОЙ
МИССИИ И ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ
ПРОШЛА В АФИНАХ

С 9 по 14 мая в Афинах прошла конференция Всемирного совета Церквей (ВСЦ) по всемирной миссии и евангелизации.

Девизом конференции были слова: "Приди, Святой Дух, исцели и примири". Для участия во встрече в Афины прибыло около 500 делегатов из разных стран и различных христианских традиций, включая председателя Элладской Православной Церкви архиепископа Афинского Христодула и генсека ВСЦ пастора Сэма Кобию. Помимо православных, протестантских и англиканских Церквей, входящих в состав ВСЦ, на встрече были представлены католики, евангелики и пятидесятники, не участвовавшие в работе этого экуменического объединения.

Многие в ВСЦ надеялись, что проведение конференции в греческой столице будет способствовать дальнейшему сближению западных и восточных христиан. "Православная традиция уже долгое время представлена в ВСЦ, однако Церкви-члены нашей организации не так часто сталкиваются с повседневной работой православных, — заявила модератор конференции, баптистский пастор из Великобритании Рут Боттомс. — Надеюсь, что в дальнейшем будет расти доверие, понимание и углубятся наши взаимоотношения, мы научимся понимать и принимать различия, в то же время признавая то, что нас объединяет".

10 мая к месту проведения конференции на корабле был доставлен деревянный четырехметровый крест. Изготовленный в Иерусалиме, этот крест призван символизировать солидарность между Церквями и христианами Ближнего Востока. В этот же день перед делегатами конференции выступили пастор Кобия и архиепископ Христодул.

"Православию предстоит сыграть важную роль внутри более широкого христианского сообщества — в контексте той вражды, которая растет сегодня по отношению к нашей вере", — сказал председатель Элладской Церкви. Архиепископ напомнил собравшимся, что часть православных греков открыто выступала против проведения в Афинах экуменического форума, однако иерархия решила пригласить членов ВСЦ в Грецию, несмотря на имевший место в

прошлом горький опыт агрессивного миссионерства. "Исторические раны, нанесенные друг другу Церквями, народами, общинами или даже семьями, следует лечить, примиряя людей, — подчеркнул иерарх. — Глобализация, открытие границ и возросшее перемещение людей из страны в страну поставили нас, христиан, в абсолютную новую ситуацию. Общества, традиционно монорелигиозные, становятся многорелигиозными. Все больше и больше людей разных вер живет бок о бок с христианами, и вместе с нами им приходится отвечать на вызовы современности — атеизм, агностицизм и воинствующий секуляризм".

В рамках конференции прошли отдельные семинары по таким вопросам, как национальное примирение в Руанде после геноцида 1994 года, христианская миссия в Китае и роль женщин в миссионерской работе. Заседание 12 мая было посвящено проблемам миссии и насилия.

История миссионерских конференций насчитывает почти столетие. Первая Всемирная миссионерская конференция прошла в шотландском Эдинбурге еще в 1910 году. Эта встреча считается одним из первых шагов к развитию экуменического движения. Во многом она заложила фундамент Международного миссионерского совета (ММС), основанного в 1921 году. В то время в конференции принимали участие только англикане и протестанты, а делегаты заявляли о необходимости "просвещать язычников" и распространять "ценности западной цивилизации" в колониях.

Конференция 1928 года прошла в Иерусалиме, а встреча 1938 года — в индийском городе Тамбарам (неподалеку от Мадраса). Большинство делегатов конференции в Индии были представителями так называемых "юных" Церквей — таковы были последствия активной миссионерской деятельности западных проповедников в британской колонии.

Первая экуменическая конференция после Второй мировой войны прошла в 1947 году в Уитби (Канада). Перед участниками стояла задача найти пути примирения между враждовавшими во время войны народами. Именно тогда делегаты канадской конференции решили не называть те или иные страны "христианскими" или "нехристианскими".

Участники следующей встречи, прошедшей в 1952 году в немецком Вилингене, должны были определить, какой будет миссия в изменившемся мире. В то время шоком для многих оставался пол-

ный крах христианской миссии в Китае, где за три года до этого к власти пришел Мао Цзэдун и все западные миссионеры были высланы из страны.

На конференции, прошедшей в 1958 году в Ачимоте (Гана), было принято решение о слиянии ММС с ВСЦ, образованным десятью годами раньше. Ряд миссионерских организаций отказались принять это объединение, опасаясь, что оно поставит их в зависимость от церковных иерархов.

Первая совместная конференция ВСЦ и ММС прошла в 1961 в Нью-Дели. Тогда впервые в ней приняли участие представители православных Церквей, которые впоследствии всегда участвовали в миссионерских конференциях. После Второго Ватиканского собора (1962-1965) своих представителей на эти встречи присылает и католическая Церковь.

Первая конференция по всемирной миссии и евангелизации под эгидой ВСЦ прошла в 1963 году в Мехико. Основной темой следующей акции, прошедшей в Бангкоке в 1972 году, стала эксплуатация и социальная несправедливость в странах третьего мира. Африканские Церкви предложили ввести временный мораторий на отправку с Севера на Юг персонала или денежных средств для миссий. Проблема социальной несправедливости также стала одной из основных во время следующей конференции, прошедшей в австралийском Мельбурне в 1980 году.

В 1989 в Сан-Антонио (США) прошла следующая конференция, во время которой был поднят вопрос о взаимоотношениях между христианством и другими религиями. "Мы не знаем иного пути ко спасению, кроме Иисуса Христа, и в то же время мы признаем, что спасительной силе Бога нет предела", — заявили участники той встречи.

Последняя экуменическая миссионерская конференция XX века прошла в 1996 году в бразильском городе Сан-Салвадор-да-Баия. Участники встречи обсуждали взаимоотношения христианской миссии и национальных культур, а также распад СССР и следовавший за ним миссионерский бум в Восточной Европе. Делегаты подтвердили позицию ВСЦ, осуждающую прозелитизм, и призвали различные Церкви к сотрудничеству в миссионерской работе.

В этом году миссионерская конференция впервые собралась в столице страны, большинство населения которой — православные.

В статье использованы материалы информационного агентства "Благовест-инфо"

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:

Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Андрей Мареев
Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.